
Елена Воронина
Стена

Елена Воронина

Стена

«Литнет»
2026

Воронина Е.

Стена / Е. Воронина — «Литнет», 2026

Вера приехала в провинциальный городок, чтобы исчезнуть. После всего, что с ней случилось, она научилась быть незаметной: не поднимать глаз, не привлекать внимания, не вспоминать. Работа, дом, тишина — так проще, так безопаснее.Дима приехал в этот город по делам. Он привык отвечать за всё: за бизнес, доставшийся от отца, за мать и младшую сестру, за память о человеке, которого больше нет. Он не искал ни любви, ни потрясений, потому что давно решил, что его жизнь — это долг и работа. Всё остальное подождёт.Они встретились в обычном офисе, среди бумаг и серых будней. Ничего особенного — взгляд, рукопожатие, несколько ничего не значащих фраз. А потом что-то дрогнуло. Он почувствовал, что за её тишиной скрывается что-то большее, чем простая застенчивость. Она почувствовала, что рядом с ним впервые за долгое время можно не бояться. Медленно, осторожно, шаг за шагом они начали оттаивать, словно двое, которые давно забыли, что значит дышать полной грудью.Но у прошлого длинные руки, и чем ближе они становились друг другу, тем яснее понимали: их встреча не была случайной. Правда, которую оба так старательно прятали, уже поднимается со дна — тихо, неумолимо, как вода в трюме тонущего корабля. Она может их спасти, а может уничтожить.Это история о том, как заново собрать себя из осколков, о любви, которая не кричит, а просто остаётся рядом, и о правде, которая приходит поздно — но всё-таки приходит. Главы будут выходить каждый день в 00:00 по Мск Обещаю не оставить вас равнодушными ♥#

© Воронина Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. 6
Глава 1. 9
Глава 2. 15
Глава 3. 18
Глава 4. 23
Глава 5. 28
Глава 6. 32
Глава 7. 36
Глава 8. 40
Глава 9. 45
Глава 10. 48
Глава 11. 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Пролог.

Зима в этом году выдалась поздняя. Снег всё не шёл, и город казался серым, будто кто-то забыл включить цвет. Вера стояла у окна своей крошечной комнаты и смотрела на двор, где дворник лениво подметал асфальт. Она думала о том, что когда-то ненавидела серый цвет. Теперь же он стал её любимым. Серый не привлекает внимания, не кричит, не требует. Серый — это спокойствие и безопасность.

Вера приехала сюда восемь месяцев назад. Поезд шёл почти сутки, и всё это время она просидела у окна, глядя, как меняется пейзаж за стеклом. Москва осталась позади, и с каждым километром внутри неё что-то отпускало. Она не знала, куда едет, — просто выбрала самый дальний рейс, на который хватило денег. Билет был в одну сторону, так было проще.

Городок оказался маленьким, тихим, почти игрушечным. Здесь не было высоток, не было пробок, не было шума. По утрам пахло свежим хлебом из пекарни на углу, а по вечерам — сиренью, которая росла у каждого палисадника. Вера сняла комнату в старом доме. Хозяйка, бабушка с добрыми глазами, не задавала вопросов. Только спросила однажды: «Ты одна?» Вера кивнула. Больше вопросов не было. Здесь, кажется, вообще никто не задавал вопросов. Это было именно так, как ей нужно.

Работа нашлась быстро. В местной компании, филиале завода, который недавно выкупили какие-то москвичи, требовался сотрудник в отдел кадров. Вера пришла на собеседование, ответила на стандартные вопросы, заполнила анкету. Её приняли. Никто не спрашивал о прошлом, не смотрел с жалостью или любопытством. Она была просто Верой — тихий голос, опущенные глаза, аккуратные документы. Идеальный незаметный сотрудник.

Дни шли медленно, похожие один на другой, как близнецы. Вера вставала в семь, пила чай, шла на работу. В офисе разбирала бумаги, отвечала на письма, заполняла таблицы. В шесть возвращалась домой, готовила ужин, садилась у окна. Иногда читала, но чаще просто смотрела в темноту. Спала она плохо — просыпалась от кошмаров, которые давно выучила наизусть, но об этом никто не знал и не должен был узнать.

Вера думала, что так и будет. Тихая жизнь, тень на стене. Она — никто. Она смирилась с этим и даже нашла в этом покой. Ведь если ты никто, тебя не могут обидеть. Если ты тень, тебя не могут ударить. Если ты молчишь, тебе не могут не поверить.

А потом приехал он.

Вера не знала, кто он. Просто новый владелец — так сказали в офисе. Молодой москвич. Серьёзный, но очень обаятельный. Она не придала этому значения. Мало ли кто приезжает — её это не касалось. Вера сидела за своим столом, разбирала бумаги, не поднимая головы. Привычка, выработанная годами: не смотреть, не замечать, не чувствовать.

Шаги она услышала, когда он уже вошёл. Уверенные, спокойные, без спешки. Такие шаги бывают у людей, которые знают, куда идут. Она не подняла головы, продолжая перебирать документы, хотя руки вдруг стали ватными.

— Здравствуйте. Вы Вера?

Голос был низкий, ровный, без нажима и холода. Она вздрогнула — не от звука, а от того, что к ней обратились. К ней давно никто не обращался. Она была мебелью, стулом, тенью.

Вера подняла глаза. Он стоял перед её столом, и первое, что она заметила, — это взгляд. Серые глаза, спокойные, внимательные. Без лжи и оценки. Без того грязного блеска, который она привыкла видеть в глазах мужчин. Как будто он смотрел не на неё, а в неё.

— Да. Вера.

— Дима.

Он протянул руку. Она замешкалась на секунду, потом пожала. Рука была тёплая, сухая, сильная. Вера отдёрнула свою слишком быстро, как будто обожглась. Хотя не обожглась. Просто… просто она не привыкла к прикосновениям. Даже к рукопожатиям, даже к таким невинным.

— Я новый владелец. Точнее, один из. Хочу познакомиться с коллективом.

Она кивнула и опустила глаза, вернувшись к бумагам. Думала, что он уйдёт. Но он не ушёл.

— Вы давно здесь работаете?

— Полгода.

— Нравится?

Она пожала плечами. Что она могла сказать? Мне всё равно. Работа — это просто способ не думать, не вспоминать и не чувствовать. Но вслух сказала:

— Нормально.

Он помолчал. Она чувствовала его взгляд — не тяжёлый, не давящий. Как будто он видел то, чего она не хотела показывать. То, что она прятала так долго, что почти забыла о его существовании.

— Ладно, — согласился Дмитрий наконец. — Не буду мешать. Увидимся.

Дмитрий ушёл, а Вера осталась сидеть, глядя на дверь. И чувствовала в своей душе то, чего в ней не было очень давно: не боль, не страх, не пустоту. Что-то другое: легкое, робкое, как первый луч солнца после долгой зимы — словно внутри неё что-то шевельнулось. То, что она считала умершим.

Вера не знала, кто он. Она не знала, что он — друг Игоря. Вера не знала, что он — совладелец компании вместе с человеком, который вычеркнул ее из своей жизни.

Она знала только одно: его глаза: серые, спокойные, без лжи. Она видела много глаз. Отца — холодные, как лёд. Мачехи — злые, как у хищной птицы. Брата — грязные, липкие. Игоря

— лживые, красивые, пустые. Врачей — равнодушные, усталые. А эти… эти были другими. Они смотрели на неё и не отворачивались.

Вера не знала, что это значит. Но знала, что не хочет, чтобы он уходил. Впервые за долгое время она чего-то хотела, и это её напугало.

Глава 1.

Вера.

_____

Я научилась быть незаметной.

Это не так сложно, как кажется: нужно просто не смотреть в глаза, говорить тихо, носить серое, не смеяться громко, не плакать при людях и тогда тебя никто не замечает. Ты становишься частью мебели —стулом, столом или тенью на стене.

Я работаю в отделе кадров. Моя задача — бумаги: заявления, приказы, трудовые книжки. Я прихожу в восемь, ухожу в шесть. Обед — в одиночестве, в подсобке, с книгой. Никто не спрашивает, почему я не обедаю со всеми, почему я не хожу на корпоративы и почему я вздрагиваю, когда кто-то подходит сзади. Я — идеальная тень и это мне как раз необходимо.

Домой я возвращаюсь пешком — через парк, мимо старого фонтана, который не работает. Мимо лавочек, на которых сидят старики и детской площадки, где кричат дети. Я смотрю на них и думаю: «Я тоже когда-то была ребёнком. Я тоже когда-то смеялась. Я тоже когда-то верила». Теперь не верю никому.

Дома меня ждёт комната: обои в цветочек, скрипучая кровать, окно во двор. Я готовлю чай, сажусь у окна, смотрю, как темнеет небо. Мне не скучно — мне никак. Пустота — это тоже состояние. Тишина — это тоже звук. Я привыкла к тишине, сроднилась с ней. Она стала моей подругой здесь. Единственной, которая не задаёт вопросов, которая не требует ответов и не причиняет боли.

Но иногда тишина обманывает, потому что иногда в ней просыпаются голоса. Не громкие, тихие, но от этого ещё более страшные. Они приходят без приглашения. Они не спрашивают, хочу ли я их слышать. Они просто звучат, и я не могу их остановить.

Вот мне девятнадцать. Я стою в коридоре отцовского дома. Поздний вечер, за окном темно. Мачеха уехала к подруге, отец на работе — у него важная встреча. Я одна. Ну, почти одна, в доме ещё сводный брат Артём, сын мачехи от первого брака. Ему двадцать четыре, он взрослый и сильный. Он старше меня и он смотрит на меня не как брат.

Я чувствую этот взгляд уже несколько месяцев. Он скользит по мне, когда я прохожу мимо. Он задерживается на моих плечах, на моей шее, на моих руках, на моей груди. Я не понимаю и не хочу понимать, что это значит. Я просто отвожу глаза и ухожу в свою комнату. Я просто закрываю дверь, но дверь не спасает. От взгляда не спрятаться, от предчувствия не убежать.

В тот вечер он подошёл ко мне в коридоре. Я шла из кухни с чашкой чая. Он стоял у стены и ждал. Я попыталась пройти мимо. Он шагнул навстречу, улыбнувшись. Улыбка была красивая. Но глаза… глаза были некрасивые. Они были липкими и голодными. Я замерла. Я не знала, что делать и как реагировать. Я была воспитана так, что не должна перечить старшим. Не должна кричать, не должна устраивать сцен. Я должна быть вежливой, тихой и удобной.

— Ты такая красивая, — произнес он.

Я не ответила. Я просто стояла. Чашка чая дрожала в моей руке. Я хотела уйти, но ноги не слушались. Я хотела закричать, но голос пропал. Я хотела исчезнуть, но не могла. Я была здесь в этом коридоре с ним, и он подходил всё ближе.

— Не бойся, — сказал он. — Я не сделаю тебе больно.

Он сделал. Он сделал мне очень больно. Он сделал так, что я перестала дышать и чувствовать. Он сделал так, что я перестала быть собой. Я помню его руки. Они были сильные, слишком сильные. Я помню его дыхание, оно было слишком горячим. Я помню его слова. Они были ласковые, слишком ласковые для того, что он делал.

Я не кричала, я не могла. Я просто закрыла глаза и ждала, когда это закончится. Я думала: «Сейчас всё кончится. Сейчас он уйдёт. Сейчас я смогу дышать». Но он не уходил. Он делал больно снова и снова. И я поняла, что это никогда не кончится. Потому что это останется со мной. Навсегда.

Потом он ушёл, просто встал и ушёл. Как будто ничего не было, как будто он просто выпил чашку чая, как будто он не сломал мне жизнь. Я осталась лежать на полу в коридоре, я не могла встать и не могла пошевелиться. Я не могла даже плакать. Я просто лежала и смотрела в потолок и думала: «Почему? За что? Что я сделала не так?»

Я не знала, что делать. Я не знала, куда идти. Я не знала, кому сказать. Я была одна в пустом доме с болью, которая разрывала меня изнутри и с чувством, что я больше не я. Что я стала чем-то другим — чем-то грязным, сломаным сломанным. Тем, что нельзя починить.

Я пролежала так час. Может, два. Не помню. Время остановилось, осталась только боль — режущая меня изнутри и тишина. Еще потолок: белый, ровный, равнодушный, словно ему всё равно. Как будто ему всё равно, что внизу, на полу, лежит сломанная девушка, которая только что перестала быть счастливой.

Потом я медленно встала. Тело болело, абсолютно везде. Я дошла до ванной, посмотрела в зеркало и не узнала себя. Из зеркала смотрела чужая: с растрёпанными волосами, с красными глазами и разбитой губой. Я отвернулась, не хотела её видеть, я не хотела быть ею.

Я умывалась холодной водой до тех пор, пока кожа не стала красной. Потом пошла в свою комнату, закрыв дверь. Легла на кровать и уставилась в стену. Я не спала. Я просто лежала и ждала. Чего? Не знаю. Может, смерти. Может, утра. Может, чуда. Чуда не случилось. Наступило утро, пришёл отец. Я услышала, как хлопнула входная дверь, как он прошёл на кухню и зашумел чайник.

Тогда я решилась. Я медленно встала. Тело всё ещё болело. Я вышла из комнаты, пошла на кухню. Отец сидел за столом, читал газету и пил чай. Обычное утро. Обычный человек. Обычная жизнь. Я стояла в дверях и не знала, как начать. Слова застревали в горле, словно кто-то сжал его до боли.

— Пап, — начала я. Голос был хриплый. Чужой. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

Отец поднял глаза от газеты. Посмотрел на меня без интереса, как на мебель. Я всегда была для него мебелью — красивой, удобной, но мебелью.

— Что? — спросил он.

Я набрала воздуха. Я думала, что если скажу — станет легче. Что он обнимет меня, он поверит, он защитит. Что он сделает хоть что-то.

— Вчера… — выдохнула я. — Вчера брат… он…

Слова не шли. Я не знала, как это сказать. Как назвать то, что он сделал. Как объяснить, что это было насилие, это было преступление и разрушение меня.

— Он изнасиловал меня, — призналась я и замолчала. Слова упали в тишину тяжелые, как камни.

Отец отложил газету. Посмотрел на меня. Я ждала. Ждала, что он встанет и обнимет. Что он скажет: «Я с тобой. Я защищу. Я накажу его». Я ждала, верила и надеялась.

Он не встал. Он не обнял. Он сказал:

— Ты врёшь.

Я замерла. Как тогда, в коридоре. Как будто меня снова ударили. Только теперь — не руками, а словами. Но боль была такая же. Может, даже сильнее.

— Что? — прошептала я.

— Ты врёшь, — повторил отец. - Он не мог. Артём нормальный парень, он не сделал бы этого.

— Он сделал, — сказала я. Слёзы потекли по щекам. Я не хотела плакать, но не могла остановиться. — Пап, он сделал. Я не вру. Я никогда тебе не врала. Почему ты не веришь мне?

Он вздохнул, словно устал от этого разговора. Как будто я была надоедливой мухой, которая мешает ему читать газету.

— Ты сама виновата, — подытожил отец. — Ты его спровоцировала. Ты всегда ходишь по дому в этих коротких халатах, всегда улыбаешься ему. Ты сама дала повод.

Я не верила своим ушам. Он говорил это. Мой отец. Человек, который должен был защищать меня. Человек, который должен был верить мне. Он говорил, что я виновата, я дала повод.

— Я не… — начала я. — Я не провоцировала. Я просто жила. Я просто ходила по дому. Почему ты не веришь мне?

— Потому что ты врёшь, — отрезал отец жёстко и холодно. — Я не хочу слушать этот бред. Замолчи, и чтобы я больше не слышал об этом. Поняла?

Я поняла. Я поняла, что осталась одна. Что мой отец — не мой защитник. Что мой дом — не моя крепость. Что я — не его дочь. Я — просто проблема, которую нужно замолчать. Просто скандал, которого нужно избежать. Просто неудобство, которое нужно убрать.

Я вышла из кухни медленно, словно во сне. Я не чувствовала пола под ногами. Я не чувствовала ничего, кроме огромной пустоты, как чёрная дыра. Она засасывала меня, а я не сопротивлялась. Я не хотела сопротивляться, я хотела исчезнуть навсегда.

Я вернулась в свою комнату, закрыла дверь и на кровать, уставившись в потолок. Белый. Ровный. Равнодушный. Я смотрела на него и думала: «Вот и всё. Вот и конец. Я больше никому не нужна. Я больше никому не верю».

Я не знаю, сколько я так лежала. Время перестало существовать, осталась только боль и тишина, и потолок, и чувство, что я умерла. Хотя сердце всё ещё билось, я всё ещё дышала.

Я закрыла глаза и вспомнила его лицо. Не брата. Нет. Я вспомнила другое лицо. Мальчика из школы, с которым я гуляла по парку, который держал меня за руку, который говорил, что я красивая. Который говорил, что любит. Его лицо, глаза и улыбку и я подумала: «Может быть, он спасёт меня. Может быть, он поверит. Может быть, он не такой, как все».

Я не понимала, что это была последняя мысль, которая держала меня на плаву. Я не знала, что именно она приведёт меня к тому, что случилось потом. Я просто лежала и ждала, когда боль утихнет и тьма отступит. Ждала, когда я смогу встать и смогу уйти, начав всё заново.

Прошло несколько дней. Я не помню их, дни слились в одно серое полотно — без начала, без конца, без смысла. Я почти не ела и не спала. Я просто лежала в своей комнате и смотрела в потолок, пока за окном менялись дни и ночи. Я не плакала, слезы закончились. Осталась только сухая, выжженная пустота, словно внутри меня всё выгорело дотла, и теперь там был только пепел.

Однажды утром я проснулась и поняла, что больше не могу оставаться в этом доме и дышать этим воздухом. Не могу видеть эти стены, которые помнят то, что случилось. Не могу слышать шаги брата за дверью. Не могу сидеть за одним столом с отцом, который не поверил. Я должна уйти немедленно, сегодня.

Я встала с кровати. Тело всё ещё ныло, но боль стала глуше, терпимее. Я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Оттуда смотрела чужая — бледная, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами. Я долго смотрела на неё, а потом начала приводить себя в порядок. Медленно, методично, как будто собирала осколки разбитого сосуда.

Я умылась холодной водой, расчесала волосы, заплела их в косу. Нашла в шкафу серую водолазку и тёмные джинсы — самые незаметные вещи, которые у меня были. Надев их, я посмотрела на себя в зеркало ещё раз. Теперь я не выглядела как жертва, я выглядела как тень. Что ж, это было именно то мне, что нужно.

Я собрала рюкзак. Немногое: пара сменной одежды, документы, немного денег, которые я копила на всякий случай. Этот день наступил. Я не знала, куда пойду. Но я знала, что не останусь здесь. Я застегнула рюкзак, вздохнула и вышла из комнаты.

В доме было тихо. Отец уже уехал на работу. Мачеха, кажется, ещё спала. Брат — не знаю, где он был, да я и не хотела знать. Я прошла через коридор, стараясь не смотреть на то место, где всё случилось. Вышла на улицу, закрыв за собой дверь и впервые за несколько дней вдохнула полной грудью.

Воздух был холодный, свежий, колкий. Он обжёг лёгкие, и от этого стало легче. Я пошла по улице, не оглядываясь. Я шла к нему, к мальчику из школы. К тому, кто держал меня за руку и говорил, что любит. К тому, кто, как мне казалось, был единственным, кто мог меня спасти.

Я шла к Игорю.

Я знала его адрес. Знала, что он снимает маленькую квартиру на окраине города. Знала, что он живёт один. Знала, что он ждёт меня. Или мне так казалось. Я не звонила ему, не предупреждала. Я просто шла, потому что если бы я позвонила — я бы не решилась. А так — ноги несли меня сами, и я не могла остановиться.

Я думала о нём по дороге. О том, как мы познакомились в десятом классе. Как он появился в нашей гимназии — сын фермера, приехавший из деревни по квоте для одарённых детей. Он был другим. Не таким, как сыновья дипломатов и бизнесменов, которые смотрели на меня как на трофей, как на красивую вещь, которую можно заполучить. Он смотрел иначе — как на человека, как на девочку, которую можно любить не за фамилию, не за отца, не за статус, а просто так, ни за что.

Он был умным, амбициозным, обаятельным. Он говорил мне: «Я добьюсь всего. Я стану бизнесменом, и ты будешь со мной». Я верила. Я хотела верить, потому что он был единственным, кто говорил мне, что я красивая, что я нужна, что я не одна. После смерти мамы, после того как отец женился во второй раз и в доме появились мачеха и её сын, я всегда была одна, а он пришёл и сказал: «Ты не одна. Я с тобой». И я поверила.

Мы гуляли по паркам, писали друг другу записки, мечтали о будущем. Он говорил: «Мы уедем из этого города. Начнём новую жизнь. Ты и я. Вместе». Я думала, что это навсегда. Первая любовь, чистая и наивная, как первый снег. Я думала, что он — мой навсегда. Что он — моё спасение.

Теперь я шла к нему. Шла, потому что не знала, куда ещё идти. Шла, потому что он был единственным, кто остался в моей жизни. Шла, потому что верила — Игорь поверит мне. Он не такой, как отец. Он не предаст. Он защитит, он спасёт.

Я остановилась перед его подъездом. Серый дом, обшарпанные стены, запах сырости. Я подняла глаза на окна третьего этажа. В одном из них горел свет. Он был дома. Я медленно поднялась по лестнице, каждый шаг отдавался в груди глухим ударом. Я остановилась перед его дверью, подняла руку, чтобы позвонить и замерла.

Что я скажу ему? Как объясню? Как расскажу то, что не могла произнести даже шёпотом? Я стояла, смотрела на дверь и не знала, что делать. А потом дверь открылась сама, и на пороге стоял он. Игорь смотрел на меня с улыбкой и таким взглядом, от чего по спине пробежал холодок.

Но я не успела понять, что это, потому что он шагнул ко мне и сказал:

— Я ждал тебя.

Глава 2.

Вера

Дверь открылась, и на пороге появился он.

Игорь стоял, прислонившись плечом к дверному косяку. Свет из прихожей падал на его лицо, делая его похожим на человека из другого мира — мира, где не было боли, где не было насилия, где не было отца, который не поверил. Я смотрела на Игоря, во мне поднималась волна тёплого и живого, того, что я считала умершим. Надежда всегда приходила последней, когда всё остальное уже было мертво.

— Я ждал тебя, — сказал он.

Эти слова прозвучали как приговор и как спасение одновременно. Я не знала, что сказать, и просто стояла, а по щекам текли слёзы — не от боли и не от страха, а от облегчения. Я дошла, я нашла его. Он ждал, он не отвернулся. Он не предал, как отец.

Игорь шагнул ко мне и обнял, я почувствовала его тепло. Оно было живым и настоящим, тем, за что можно было зацепиться, чтобы не упасть в бездну. Я плакала в его плечо долго, наверное, выплакивая всё, что накопилось за эти дни — страх, боль, унижение, чувство, что я грязная, сломанная, никому не нужная. Я выплакивала отца, который не поверил, брата, который насиловал, мачеху, которая обвиняла. Я выплакивала свою жизнь, которая рухнула в один вечер. С каждым всхлипом мне становилось легче, как будто вместе со слезами из меня выходила тьма, которую я носила тяжелой ношей внутри себя.

Он не спрашивал. Игорь просто держал меня крепко и надёжно, как будто я была хрупкой и могла рассыпаться, если он меня отпустит. Я и была хрупкой. Я и могла рассыпаться. Но он держал, и от этого становилось не так страшно.

Потом мы сидели на кухне — маленькой, тесной, но уютной. Игорь заварил зеленый чай, поставил передо мной чашку, сел напротив и смотрел на меня внимательно, без осуждения и без жалости, просто смотрел как на человека, которого он любит.

— Ты останешься у меня, — сказал он. Это был не вопрос, а утверждение. — Я не отпущу тебя. Слышишь? Я не отпущу.

Я кивнула. Я не знала, что сказать, и просто пила чай, глядя на него. Он был моим спасением. Он был тем, кто протянул руку и не отвернулся. Тем, кто сказал: «Ты не одна». Я верила ему. Я хотела верить. Мне нужно было верить, потому что иначе я бы сошла с ума.

Я осталась. Пролетели две недели. Я не выходила из квартиры, потому что боялась. Боялась, что отец найдёт меня, что брат придёт, что кто-то узнает, что я сделала. Что я сбежала, я предала семью. Я сидела в его квартире, как зверь в клетке, и ждала, когда тьма отступит. Она не отступала — она просто стала тише, привычной, моей.

Игорь не спрашивал, что случилось. Он не спрашивал, почему я ушла из дома, почему я вздрагиваю от каждого звука, почему я смотрю в одну точку и молчу часами. Он просто был рядом: приносил мне еду, которую я не могла есть, включал музыку, которую я не слышала, говорил со мной, но я не отвечала. Я была тенью, но он не прогонял меня. Он ждал и верил, что я вернусь. Что я снова стану собой и оживу.

Я хотела снова стать той девочкой, которая смеялась, которая верила, которая любила. Но я не знала, как. Я не знала, осталась ли она вообще.

Однажды вечером Игорь сел рядом со мной на диван и взял меня за руку. Я вздрогнула не от страха, а от неожиданности. Он заметил, но не отстранился, только посмотрел на меня внимательнее, чем обычно.

— Расскажи мне, — начал он ласково. — Что случилось? Почему ты пришла ко мне среди ночи? Почему ты дрожишь, когда я подхожу? Почему ты не смотришь мне в глаза?

Я молчала. Слова застревали в горле, я не могла сказать правду. Не могла произнести вслух то, что случилось. Не могла назвать это своим именем. Я боялась, что он убьёт брата. Что сядет в тюрьму. Что я потеряю его навсегда. Я не могла, просто не могла.

— Я поругалась с родителями, — соврала я. Голос был тихий и хриплый, чужой. — С отцом. Мы поссорились очень сильно. Как никогда не ссорились. Я не могу туда вернуться, не сейчас.

Это была не ложь. Это была половина правды, достаточная, чтобы он не спрашивал больше, достаточная, чтобы он не догадался, достаточная, чтобы он не прогнал меня.

Игорь помолчал, посмотрел на меня внимательно, как будто пытался заглянуть внутрь, туда, где я прятала свою боль. Я отвела глаза. Я боялась, что он увидит, что он поймёт и узнает.

— Хорошо, — произнес Игорь. — Не хочешь говорить — не говори. Я не буду давить. Но знай: что бы ни случилось, я на твоей стороне. Ты моя. Я тебя не отдам. Никому. Никогда.

Я кивнула. Слёзы снова подступили к глазам, но я сдержала их. Я не хотела плакать. Я хотела быть сильной. Я хотела быть той, за кого он меня принимает. Я хотела быть достойной его.

Я продолжала жить у Игоря. День за днём я оттаивала медленно, с трудом, но оттаивала. Я начала выходить из дома. Сначала только во двор, потом в магазин на углу, потом в парк. Я начала есть, спать, улыбаться. Не часто, но начала. Игорь был рядом. Всегда рядом. Он не торопил, не давил, а просто ждал, и я чувствовала, что возвращаюсь, оживаю и снова становлюсь собой.

Однажды вечером мы сидели на диване и смотрели какой-то старый фильм. Я не помню, какой. Я помню только, как он повернулся ко мне и сказал:

— Давай поженимся.

Я замерла. Слова доходили до меня медленно, как будто сквозь воду. Я посмотрела на него, не поняла, не сразу.

— Что?

— Давай поженимся, — повторил Игорь. — Я люблю тебя. Я любил тебя со школы. Я хочу, чтобы ты была моей официально. Навсегда. Я хочу защитить тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что ты не одна, у тебя есть я.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. С одной стороны, это было то, чего я хотела. С другой — я боялась. Боялась, что он узнает. Что он поймёт. Что он увидит, что я не та, за кого он меня принимает. Что я не его любимая девочка, а женщина, которую сломали. Я боялась, что он отвернётся, как отец, как все. Я боялась, что потеряю его. Единственного. Последнего.

— Игорь, — начала я. — Я не могу. Я…

— Почему? — спросил он. — Ты меня не любишь?

— Люблю, — ответила я, и это была правда. Я любила его с шестнадцати лет. Он был моим светом и моим спасением.

— Тогда в чём дело? — удивился Игорь. — Я не понимаю.

Я молчала. Я не могла сказать, не могла произнести правду. Не могла признаться, что я не чистая, что я не девственница, что я не та, за кого он меня принимает. Я боялась, что он убьёт брата и сядет в тюрьму. Что я потеряю его навсегда.

— Я просто боюсь, — призналась я. — Боюсь, что всё изменится. Что ты разочаруешься во мне. Что ты уйдёшь.

Он взял меня за руку и серьезно посмотрел в глаза.

— Я никогда тебя не оставлю, — сказал он. — Слышишь? Никогда. Что бы ни случилось. Ты моя. Я твой. Навсегда. Ты поняла?

Я кивнула. Слёзы текли по щекам. Я так хотела верить. Я так устала бояться. Я так устала быть одной. Я так устала от тьмы. Я хотела света и тепла. Я хотела быть рядом с человеком, который меня понимает.

— Хорошо, — согласилась я. — Давай поженимся.

Игорь улыбнулся мне, и я улыбнулась в ответ. Это было как чудо, как рассвет после долгой ночи, как глоток воздуха после удушья.

Мы расписались через неделю. Тайно, без гостей, без родных, без благословения. Просто пришли в маленький загс на окраине города, поставили подписи, обменялись кольцами. Я была в белом платье, которое купила в секонд-хенде за копейки, он — в костюме, который одолжил у друга. Мы улыбались. Мы были счастливы.

Вечером мы пришли в его квартиру. В нашу квартиру. Он открыл дверь, взял меня на руки, внёс, как в кино, как в сказке, как в мечте. Я смеялась. Я была счастлива по-настоящему, впервые за долгое время. Я думала: «Вот оно. Вот счастье. Вот любовь. Вот жизнь».

Он поставил меня на пол и поцеловал. Долго, нежно. Я отвечала. Я хотела быть с ним. Я хотела отдать ему всё, что у меня осталось, всё, что у меня было, всё, что я могла дать. Я хотела, чтобы он знал, что я его. Навсегда. Что я принадлежу ему. Что я люблю его. Что я не хочу никого другого.

Мы легли в постель. Он был нежным, терпеливым, понимающим. Он не торопил. Он ждал. Он смотрел на меня, спрашивал, всё ли хорошо. Я кивала. Я хотела, чтобы это было красиво, чтобы это было правильно, чтобы это было началом новой жизни. Чистой. Настоящей. Нашей.

А потом он узнал.

Игорь отстранился и посмотрел на меня. Я видела, как меняется его лицо, как тепло уходит, как появляется другое выражение лица — холодное, жестокое, чужое. Я видела, как он смотрит на простыню, как он ищет то, чего там нет. Как он всё понимает.

— Ты не девственница, — отрезал Игорь.

Это был не вопрос. Это было обвинение, приговор. Я замерла. Я не знала, что сказать. Я не знала, как объяснить. Я не знала, как рассказать правду — ту правду, которую я так долго прятала, ту правду, которая всё разрушила бы, ту правду, которую я боялась произнести. Я просто смотрела на него и молчала.

— Ты меня обманула, — сказал он. Голос был холодный и чужой. Мне показалось как будто это был мой брат. — Я думал, что мы любим друг друга, а ты спала со всеми подряд. Ты шлюха. Я подобрал то, что другие выбросили.

Слова ударили сильно, как камни, как нож, как пуля. Я не верила. Я не хотела верить. Это был он, Игорь. Мальчик из школы. Тот, кто держал меня за руку и говорил, что любит. Тот, кто обещал, что всё будет хорошо. Он говорил это мне, своей жене, в первую брачную ночь.

Я открыла рот, чтобы сказать, чтобы объяснить, чтобы рассказать правду — ту правду, которую я так долго прятала. Но слова не шли. Они застряли в горле. Я не могла их произнести.

Игорь смотрел на меня и ждал, в его глазах была злость и у меня по спине пробежал холодок. Я поняла: сейчас решится моя судьба. Сейчас решится, кем я стану.

Глава 3.

Я открыла рот, чтобы сказать, чтобы объяснить, чтобы рассказать правду — ту правду, которую я так долго прятала, ту правду, которая всё разрушила бы, ту правду, которую я боялась произнести, потому что боялась потерять его, единственного, последнего, того, кто, как мне казалось, был моим спасением. Но слова не шли, они застревали в горле тяжёлыми камнями, и я стояла, глядя на него, и чувствовала, как между нами вырастает стена — холодная, глухая, непреодолимая.

— Игорь, — прошептала я дрожащим голосом. — Пожалуйста. Дай мне объяснить. Это не то, что ты думаешь.

— А что я должен думать? — спросил он тихо и ровно, но эта напускная тишина была страшнее крика. — Я женился на тебе. Я думал, что ты чистая. Что ты моя Что мы любим друг друга. А ты… ты была с кем-то. Ты позволила кому-то…

— Нет, — покачала головой я. Слезы уже подступали к глазам, обжигая и ослепляя. — Нет, Игорь. Это не так. Я не позволяла. Он заставил. Он…

— Кто? — жестко перебил Игорь. Я увидела, как в его глазах вспыхнуло что-то опасное. — Кто заставил? Назови имя.

Я замолчала, потому что не могла. Не могла произнести его имя, не могла рассказать правду, потому что если бы рассказала — он бы убил, я знала это так же точно, как знала собственное имя, и тогда его посадили бы в тюрьму, и я потеряла бы его навсегда, а я не могла потерять его, потому что он был единственным, что у меня осталось.

— Ты не можешь, — отрезал он с торжеством, горьким и жестоким. — Потому что это был не насильник. Это был твой любовник. Ты спала с кем-то до меня, и ты скрыла это. Ты обманула меня.

— Нет, — отрицала я. Слёзы, не выдержав, потекли по щекам, горячие и солёные. — Нет, Игорь. Пожалуйста. Поверь мне. Я не обманывала. Я просто боялась. Я боялась, что ты…

— Боялась? — усмехнулся он. Эта усмешка была хуже пощёчины. — Ты боялась? А я не боялся? Я не боялся, что женюсь на шлюхе? Я не боялся, что надо мной будут смеяться? Я не боялся, что мой отец, моя мать, весь этот чёртов город узнают, что я подобрал то, что другие выбросили?

— Игорь, — просила я. Мой голос сорвался, превратившись в шёпот, в мольбу, в крик отчаяния. — Пожалуйста. Не говори так. Я не…

— Замолчи, — отрезал Игорь. — Я не хочу тебя слушать. Я не хочу тебя видеть. Убирайся.

— Что? — прошептала я. Слово упало в тишину, как камень в колодец.

— Убирайся, — повторил он. — Собирай вещи и уходи. Я не хочу тебя знать.

Я смотрела на него и не верила. Не верила, что это происходит, не верила, что это он, мальчик из школы, который держал меня за руку, который говорил, что любит, который обещал, что всё будет хорошо. Мой спаситель стоял передо мной, и в его глазах не было ничего — ни любви, ни жалости, ни сожаления, только холод, только пустота, только приговор.

— Игорь, — взмолилась я тихим голосом, как дыхание умирающего. — Пожалуйста. Не делай этого. Я люблю тебя. Я всегда любила тебя. Ты единственный. Ты всё, что у меня есть. Пожалуйста. Не выгоняй меня. Мне некуда идти. Пожалуйста.

— Мне плевать, — отрезал Игорь. — Убирайся. Чтобы я тебя больше не видел.

— Игорь, я тебя умоляю,— взвыла я,— Это сделал Артем, мой сводный брат. Я не изменяла тебе. Прошу, поверь мне. Прошу. Прошу. Прошу, — повторяла как молитву я.

Он открыл дверь и вытолкнул меня на лестничную площадку, в чём была, с чемоданом, который он бросил мне вслед. Я стояла, смотрела на своего любимого и не верила, что

это конец, не верила, что это происходит со мной, не верила, что человек, которого я любила больше жизни, может так со мной поступить.

— Игорь, пожалуйста, — прошептала я, и это было последнее, что я успела сказать, потому что он захлопнул дверь, и звук этого удара отозвался во мне глухой болью, как будто душа внутри меня сломалась окончательно и бесповоротно.

Я осталась одна — на лестничной площадке, в темноте, с разбитым сердцем, с разрушенной жизнью, с чувством, что меня больше нет, что я умерла, что я ничто. Я спустилась по лестнице медленно, как во сне, не чувствуя ступеней, не чувствуя ничего, и вышла на улицу, где был вечер, тёмный и холодный, и шёл снег, крупный и пушистый, красивый, как в сказке, как в кино, как в мечте, только это была не сказка, это была реальность, и реальность была очень жестокой.

Я шла по улице, не зная куда, просто шла мимо домов, мимо машин, мимо людей, которые не смотрели на меня, не видели меня, не знали, что я иду, что я ухожу, что я исчезаю, и я не видела дороги, не видела машин, не видела света, потому что передо мной стояло только его лицо, его глаза, его слова, которые звучали в моей голове снова и снова, как буря, как проклятие, как приговор. Я не заметила, как вышла на проезжую часть, не заметила, как загорелся красный, не заметила, как из-за поворота выехала машина, и услышала только визг тормозов, а потом сильный удар, боль, темноту.

Я не помню, как меня сбила машина, помню только, что очнулась в больнице, в реанимации, с трубками и капельницами, среди врачей, которые что-то говорили, но я не слышала их, потому что не чувствовала тела, чувствовала только пустоту — огромную, как чёрная дыра, которая засосала меня, и я не хотела возвращаться, потому что возвращаться было незачем, потому что там, куда я возвращалась, меня никто не ждал.

Но вернулась, потому что врачи заставили, потому что тело сильнее, чем душа, потому что оно хочет жить, даже когда душа этого совсем не хочет. Мне сделали несколько операций, и я не помню их — только белые стены, яркий свет, чужие голоса и холод, который проникал в кости и оставался там, напоминая о том, что я жива, хотя я этого не хотела. Врачи говорили что-то про переломы, про внутреннее кровотечение, про сотрясение мозга, но я не слушала, потому что мне было всё равно, потому что я хотела только одного — чтобы всё закончилось, чтобы тьма поглотила меня окончательно, чтобы я больше не чувствовала ни боли, ни страха, ни пустоты.

Но смерть не приходила, приходили дни, похожие один на другой, как близнецы. Приходили медсёстры с уколами, приходили врачи с осмотрами, приходила физиотерапевт, которая заставляла моё тело двигаться, хотя душа кричала: «Оставьте меня, дайте мне умереть».

Потом пришёл отец, я не помню, как он вошёл, помню только, что почувствовала его присутствие раньше, чем увидела, что-то холодное, чужое, знакомое одновременно. Я открыла глаза и увидела его — высокого, прямого, в дорогом пальто, с лицом, на котором не отражалось ничего. Он стоял в дверях палаты, и в его взгляде не было ни отцовской тревоги, ни сострадания, ни даже простого человеческого тепла. Он смотрел на меня так, словно перед ним была не дочь, а досадная помеха, нарушившая привычный порядок вещей. Словно я была ошибкой, которую нужно исправить.

— Вера, — сказал он ровно, без эмоций, как будто он говорил о погоде или о ценах на нефть. — Врачи сказали, что ты поправишься. Физически.

Я молчала, потому что смотрела на него и не чувствовала ничего — ни злости, ни обиды, ни боли, только пустоту, ту самую, которая поселилась во мне после той ночи, которая росла, заполняла всё внутри, вытесняла всё, что было раньше — любовь, надежду, веру, оставляя только оболочку, только тень, только ничто.

— Я оплатил твоё лечение, — продолжил отец. В нем не было ни тепла, ни заботы, только деловитость человека, который решает проблему. — Врачи сделали всё, что могли. Но

они говорят, что тебе нужна не только физическая реабилитация. Твоя психика… она сильно пострадала. Они рекомендуют закрытую клинику. Платную. Хорошую.

Я смотрела на него и понимала, что он говорит, что он хочет, что он делает, и понимала, что он не спрашивает, хочу ли я, не спрашивает, что со мной случилось, не спрашивает, почему я оказалась на улице, почему меня сбила машина, почему я не вернулась домой, он просто решает, как всегда, как будто меня здесь нет, как будто я не человек, как будто я проблема, которую нужно решить.

— Хорошо, — согласилась я. Мой голос был тихим и чужим, как будто он принадлежал не мне, а кому-то другому, кому-то, кто уже смирился, кто уже не сопротивляется и не верит, что что-то может измениться. — Делай что хочешь.

Отец кивнул и ушёл, не обнял, не поцеловал, не сказал, что любит, не сказал, что сожалеет. Я осталась лежать в своей палате, смотреть в белый потолок и ждать, чего, не знаю, может, смерти, может, забвения, может, чуда, но чуда не случилось.

Меня перевели в закрытую элитную клинику через неделю. Здесь были белые стены, мягкие кресла, вежливые врачи, где не пахло больницей, а пахло деньгами и спокойствием, потому что отец не поскупился, потому что он всегда платил деньгами, не любовью. Я знала это с детства, знала, что для него я не дочь, а обязательство, не человек, а фамилия, не девочка, а репутация, и теперь, когда репутация оказалась под угрозой, когда я сломалась, когда я оказалась на улице, когда меня сбила машина, он просто спрятал меня, убрал с глаз, заплатил, чтобы я исчезла.

Клиника была моим убежищем, моей тюрьмой, моим спасением- я не знала, точно чем именно. Я просто жила здесь день за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем, говорила с врачом, психиатром, молодым, серьёзным, с добрыми глазами, который спрашивал: «Как Вы себя чувствуете?» — и я отвечала: «Никак», и он кивал и записывал, а я пила таблетки, много таблеток, от тревоги, от депрессии, от бессонницы, и лекарства делали меня тише, спокойнее, пустее.

Я почти не думала о том, что случилось, потому что запретила себе думать, загнала все воспоминания в самый дальний уголок сознания и заперла на ключ. Я не вспоминала брата, не вспоминала отца, который не поверил, не вспоминала Игоря, который выгнал, не вспоминала аварию, не вспоминала ничего, я просто существовала, просто дышала, просто ждала, когда всё закончится или хотя бы станет легче. Но иногда, по ночам, когда таблетки перестают действовать, когда тьма сгущается и становится осязаемой, воспоминания возвращались. Они приходили без стука, без предупреждения, как воры, и я не могла их прогнать. Я лежала в своей белой палате, смотрела в белый потолок и чувствовала, как они заполняют меня, одно за другим, кадр за кадром, и я плакала, тихо, беззвучно, чтобы никто не слышал, чтобы никто не знал, чтобы никто не видел, потому что я не хотела, чтобы меня жалели, я не хотела, чтобы меня спасали, я хотела только одного — чтобы всё закончилось.

Однажды в эту белую палату, в этот холодный мир, где я училась заново дышать, вошла Лена. Моя подруга.

Она узнала — как-то узнала, через общих знакомых, и приехала, не спрашивая разрешения, не предупреждая, не боясь, что я оттолкну её, потому что Лена никогда ничего не боялась, когда дело касалось меня. Она вошла в палату — высокая, растрёпанная, с красными от слёз глазами, с огромным пакетом, из которого торчали яблоки и шоколад, и остановилась в дверях, и посмотрела на меня, и я увидела, как её лицо исказилось от боли.

— Вера, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько всего — ужас, жалость, любовь, отчаяние, — что я не выдержала и отвернулась к стене.

Она подошла, села на край кровати, взяла меня за руку, и я не отняла, хотя обычно не позволяла никому прикасаться к себе, потому что это была Лена, а Лена была единственной,

кому я ещё могла доверять. Она держала меня за руку долго, молча, и я чувствовала, как её тепло проникает в меня, медленно, капля за каплей, как будто оттаивает то, что давно замёрзло.

— Почему ты не позвонила мне? — спросила она наконец. — Почему ты не сказала? Я бы приехала. Я бы бросила всё. Ты же знаешь.

Я молчала, потому что не могла объяснить. Не могла сказать, что мне было стыдно. Что я не хотела, чтобы она видела меня такой — сломанной, пустой, мёртвой. Что я боялась, что она отвернётся, как все. Что я боялась, что она узнает правду и перестанет меня любить.

— Я боялась, — призналась я. — Я боялась, что ты не захочешь меня знать. Такой. Сломанной.

Лена посмотрела на меня, и в её глазах было столько боли, что я почувствовала себя виноватой. Она сжала мою руку крепче и сказала:

— Ты — моя подруга. Ты была моей подругой, когда мы были детьми, и останешься ею, когда мы обе станем старухами. Ничто этого не изменит. Ничто. Слышишь?

Я кивнула, слёзы потекли по щекам, и Лена обняла меня. Я плакала в её плечо долго, наверное, впервые за все эти месяцы. Подруга держала меня, и не отпускала, и я чувствовала, что, может быть, ещё не всё потеряно, что, может быть, я ещё не совсем умерла.

Лена приезжала каждый день, пока я была в клинике. Она приносила книги, которые я не читала, рассказывала новости, которые я не слушала, смешила меня, хотя мне не хотелось смеяться, и плакала со мной, когда мне хотелось плакать. Она была рядом, всегда рядом, и благодаря ей я выжила. Не телом — телом меня спасли врачи. Душой. Душой меня спасла моя Лена.

Когда меня выписали, Лена помогла мне собрать вещи и отвезла меня к себе, в маленькую квартирку на окраине Москвы, где пахло кофе и старыми книгами, где на подоконнике цвели фиалки, а на стенах висели фотографии, на которых мы были ещё детьми — смешные, наивные, счастливые. Она накормила меня супом, хотя я не хотела есть, уложила спать, хотя я не хотела спать, и сидела рядом, пока я не закрыла глаза.

Утром, когда я проснулась и увидела её — сидящую в кресле с чашкой чая, с тёмными кругами под глазами, с растрёпанными волосами, но всё равно красивую, всё равно живую, — я поняла, что должна уйти. Не потому, что не любила её. Наоборот. Именно потому, что любила. Потому что не хотела быть для неё обузой. Потому что не хотела, чтобы она тратила свою жизнь на меня, на мою боль, на мою пустоту. Потому что хотела исчезнуть — по-настоящему, окончательно, так, чтобы никто не нашёл меня, чтобы никто не страдал из-за меня, чтобы никто не пытался меня спасать.

— Лена, — начала я ровным голосом, словно я репетировала эти слова всю ночь. — Я уеду.

Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то — страх, боль, понимание. Подруга не спросила куда. Не спросила зачем. Она просто посмотрела на меня долго, внимательно, как будто пыталась запомнить моё лицо, и потом сказала:

— Я не буду тебя останавливать. Но я хочу, чтобы ты кое-что взяла.

Она встала, вышла в коридор и вернулась с конвертом, который протянула мне. Я не хотела брать. Я знала, что там деньги, и знала, что не имею права их брать, потому что не смогу вернуть, потому что не знаю, когда и как смогу вернуть, потому что, может быть, не верну никогда.

— Лена, я не могу, — покачала головой я.

— Можешь, — ответила подруга с такой твёрдостью, что я не посмела спорить. — Это не подарок. Это долг. Ты вернёшь, когда сможешь. А если не сможешь — я не буду в обиде. Но ты возьмёшь. Потому что я не могу отпустить тебя в никуда с пустыми руками. Потому что я люблю тебя. Потому что ты — моя подруга. Потому что я хочу, чтобы ты жила.

Я взяла конверт. Руки дрожали. Я не знала, что сказать. Я просто смотрела на неё, и слёзы снова подступали к глазам, и я не могла их остановить, и Лена обняла меня, и мы стояли так долго, обнявшись, в её маленькой квартирке, среди фиалок и старых фотографий, и я чувствовала, что, может быть, впервые за долгое время, я не одна.

Утром я ушла. Тихо, пока Лена спала. Я не хотела прощаться. Не хотела, чтобы она плакала. Не хотела, чтобы подруга снова просила меня остаться. Я просто написала записку — короткую, неловкую, в которой не было слов, способных выразить то, что я чувствовала, — и выскользнула за дверь.

Я поехала на вокзал. Не знала, куда именно хочу попасть. Просто подошла к кассе и спросила, на какой самый дальний рейс хватит денег, которые дала Лена. Кассирша посмотрела на меня с удивлением, но назвала город — маленький, провинциальный, на другом конце страны. Я кивнула, купила билет в одну сторону- так было проще.

Поезд шёл почти сутки, и всё это время я просидела у окна, глядя, как меняется пейзаж за стеклом. Москва осталась позади, и с каждым километром внутри меня что-то отпускало. Я не знала, куда еду, что буду делать. Не знала, как жить дальше. Я знала только одно — я должна исчезнуть, стать никем. Начать всё заново. Так, чтобы никто не нашёл. Так, чтобы никто не пострадал. Так, чтобы никто не узнал, кем я была и что со мной случилось.

Глава 4.

Дмитрий

———————————

Москва встретила меня серым небом и промозглым ветром, который пробирался под пальто, напоминая о том, что зима ещё не сдала своих позиций. Я вышел из машины, оставив её на парковке перед офисом, и на секунду замер, глядя на высотку из стекла и бетона, которую мы с Игорем арендовали три года назад, когда бизнес отца только начал превращаться во что-то большее, чем просто завод с устаревшим оборудованием и ворчливым коллективом.

Я привык к этой жизни. К ранним подъёмам, к кофе на бегу, к переговорам, которые тянулись часами, к цифрам в отчётах, которые нужно было проверять, перепроверять и снова проверять. Я привык быть тем, на кого можно положиться, тем, кто не подведёт, тем, кто всегда знает, что делать. Меня так воспитал отец — человек, который всю жизнь строил империю из ничего и умер, оставив мне не только бизнес, но и ответственность, от которой невозможно отказаться.

Я вошёл в офис, и охрана встретила меня уважительными кивками — не потому, что я был владельцем, а потому, что я знал каждого из них по имени, всегда здоровался, всегда интересовался, как дела. Я поднялся на лифте на восьмой этаж и прошёл по коридору, где уже кипела жизнь — секретари сновали с бумагами, менеджеры что-то обсуждали по телефону, из переговорной доносились обрывки разговора. Я никого не останавливал, ни с кем не заговаривал, просто шёл к своему кабинету, но при этом ловил на себе взгляды — женские, заинтересованные, оценивающие. Я давно привык к таким взглядам и научился не придавать им значения, потому что знал: за красивой внешностью часто скрывается пустота, а мне нужна была не пустота, а что-то настоящее.

Игорь сидел в моём кресле, закинув ноги на стол, и листал какие-то бумаги с таким видом, будто это его кабинет, его кресло, его жизнь. Я не стал делать замечание — мы слишком долго знали друг друга, чтобы тратить время на формальности. Я просто прошёл к окну, сел в кресло для посетителей и посмотрел на него.

— Ты когда-нибудь научишься не занимать моё место? — спросил я без раздражения, скорее по привычке, и в голосе моём звучала та лёгкая ирония, которая всегда помогала разрядить обстановку.

— Когда ты научишься не опаздывать, — ответил он, улыбнувшись, и улыбка эта была обаятельной, как всегда, той самой улыбкой, которая открывала ему двери и сердца, но за которой я давно уже научился видеть пустоту.

Мы познакомились много лет назад, когда я только начинал работать в компании отца, а Игорь был молодым управленцем, который пришёл из ниоткуда и очень быстро доказал, что умеет добиваться своего. Отец уважал его за хватку, за амбиции, за способность видеть возможности там, где другие видели только проблемы. После смерти отца я предложил Игорю партнёрство, потому что знал: один я не вытяну. И я не ошибся. Игорь был хорошим партнёром — жёстким, расчётливым, иногда беспринципным, но хорошим. Мы дополняли друг друга: я отвечал за стратегию и технологии, он — за людей и сделки. Вместе мы превратили отцовское наследие в нечто большее, чем он мог себе представить.

Но в последние годы что-то изменилось. Я не мог точно сказать что, но чувствовал: между нами появилась трещина, тонкая, почти незаметная, но с каждым месяцем она становилась шире. Игорь всё чаще говорил о деньгах, о статусе, о том, что мы должны двигаться дальше, захватывать новые рынки, покупать новые заводы. Я не спорил. Я просто делал свою работу. Но что-то внутри меня сопротивлялось, и я не мог понять, что именно.

— Ты видел отчёт по провинциальному заводу? — спросил Игорь, откладывая бумаги и убирая ноги со стола. — Мы купили его полгода назад, но там до сих пор бардак. Люди не работают, оборудование старое, начальство ворует. Нужно ехать туда и разбираться на месте.

— Я знаю, — сказал я. — Я собирался поехать на следующей неделе.

— Съезди завтра, прошу тебя, — ответил он. — У меня другие планы. Не могу.

Я посмотрел на него внимательно. Он не смотрел мне в глаза, и это было странно — Игорь всегда смотрел в глаза, потому что знал, что это его преимущество. Но сейчас он смотрел в окно, на серое московское небо, и что-то в его лице было такое, чего я не видел раньше. Что-то похожее на страх. Или на вину. Или на что-то ещё, чему я не мог дать названия.

— Хорошо, — сказал я, не став спрашивать, что у него за планы. — Поеду завтра.

Дорога до провинции заняла почти одиннадцать часов. Я ехал один, без водителя, потому что хотел побыть наедине с собой, подумать, разобраться в мыслях, которые в последнее время всё чаще возвращались к одному и тому же — к чувству, что я живу не свою жизнь. Я привык к этому чувству. Оно было со мной столько, сколько я себя помнил. С тех пор, как умер отец. С тех пор, как я взял на себя ответственность за маму, за сестру, за бизнес, за всех, кто от меня зависел. Я привык быть стеной. Я привык не показывать слабость. Я привык жить для других.

За окном мелькали поля, деревни, маленькие городки и думал о маме. О том, как она обрадовалась, когда я позвонил ей вчера вечером, чтобы сказать, что уезжаю на пару дней. Она всегда радовалась, когда я звонил, хотя мы разговаривали каждый день. Она говорила: «Ты не забывай про себя, Дима. Ты тоже человек. Ты тоже имеешь право на счастье». Я не знал, что ей ответить. Я не знал, что такое счастье. Я знал только долг, ответственность, работу. Всё остальное казалось мне чем-то далёким и нереальным.

Я думал о сестре Ане. О том, как она смеётся, как подшучивает надо мной, как говорит, что я слишком серьёзный и что мне нужно найти девушку, которая научит меня смеяться. Я не спорил. Я просто улыбался и менял тему. Потому что не мог объяснить ей, что не ищу девушку и не хочу отношений. Я не верю, что смогу стать для кого-то тем, кем нужно. Я привык быть один, привык к тишине. Я привык к тому, что никто не ждёт меня дома.

К вечеру я добрался до городка. Маленький, тихий, уютный, с низкими домами, с церковью на холме, с рекой, которая блестела в лучах заходящего солнца. Мы жили с родителями и Аней в этом городе какое-то время, когда отец становился на ноги. Я остановился в единственной гостинице, снял номер, бросил сумку на кровать и вышел на улицу. Хотел подышать воздухом, который пах не выхлопными газами и не кофе из «Старбакса», а пылью, сиренью и чем-то ещё, давно забытым, но знакомым.

Я шёл по улице, не зная куда, и чувствовал, как что-то внутри меня расслабляется. Здесь не было спешки, не было шума, не было суеты. Здесь время текло медленнее, и я впервые за долгое время почувствовал, что могу дышать. Я не знал, что буду делать завтра, не знал, как буду разбираться с заводом, не знал, чем закончится эта поездка.

Утром я пришёл в офис завода.

Это было старое здание, построенное ещё в советские времена, с облупившейся краской и скрипучими дверями, но внутри было чисто и опрятно, и я понял, что кто-то здесь действительно старается навести порядок. Я прошёл через проходную, кивнул охраннику, поднялся на второй этаж и вошёл в отдел кадров, где, как мне сказали, я мог найти документы, которые мне были нужны.

Я не ожидал увидеть то, что увидел.

Она сидела за столом у окна, низко опустив голову, и перебирала какие-то бумаги. Серый свитер, тёмные волосы, заплетённые в косу, тонкие руки, которые двигались медленно и осторожно, как будто каждое движение давалось ей с трудом. Я не видел её лица, но что-то в её

позе, в том, как она сидела, ссутулившись, как будто старалась стать меньше, незаметнее, — что-то в этом заставило меня остановиться.

Я не знал, почему я остановился и не прошёл мимо. Не знал, почему просто стоял и смотрел на неё. Что-то в ней было такое, чего я не мог объяснить. Что-то, что цепляло, заставляло смотреть.

Она подняла глаза. Серо-зелёные. Глубокие. Печальные. Я никогда раньше не видел таких глаз. В них было столько всего — боли, страха, усталости, но и что-то ещё, что-то живое, что-то, что она старательно прятала от всех, но не могла спрятать до конца.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы Вера?

Она вздрогнула. Едва заметно, но я заметил. Как будто мой голос застал её врасплох. Как будто она не ожидала, что к ней обратятся.

— Да, — произнесла она тихо. — Вера.

— Дима.

Я протянул руку и улыбнулся — той самой улыбкой, которая всегда помогала мне расположить к себе людей, той самой, которую Аня называла «убийственной» и говорила, что от неё девушки падают штабелями. Она замешкалась на секунду, потом пожала. Рука была холодная и тонкая, и она отдёрнула её слишком быстро, как будто обожглась. Я сделал вид, что не заметил. Но заметил. Заметил всё.

— Я новый владелец, — продолжил я. — Точнее, один из. Хочу познакомиться с коллективом.

Она кивнула и опустила глаза. Вернулась к бумагам. Я понял, что она хочет, чтобы я ушёл. Но я не мог уйти. Не мог заставить себя уйти.

— Вы давно здесь работаете? — спросил я.

— Полгода.

— Нравится?

Она пожала плечами. Не ответила. Я не стал настаивать. Я просто стоял и смотрел на неё, и чувствовал, что что-то происходит. Что-то, чего я не понимал.

— Ладно, — сказал я наконец. — Не буду мешать. Увидимся.

Я вышел из офиса и закрыл за собой дверь. Прислонился к стене в коридоре и закрыл глаза. Сердце билось быстрее, чем обычно. Я не понимал, что со мной. Не понимал, почему эта тихая, незаметная женщина с печальными глазами вызвала во мне что-то, чего не вызывала ни одна другая.

Я вернулся в гостиницу и весь вечер просидел у окна, глядя на реку и думая о ней. О её глазах. О её руках. О том, как она вздрогнула, когда я заговорил. О том, как отдёрнула руку. О том, как смотрела на меня — как на опасность. Как на угрозу. Как на кого-то, от кого можно ждать только боли.

Я не знал, кто она. Не знал, что с ней случилось. Не знал, почему она такая. Я знал только одно: я хочу увидеть её снова. Хочу услышать её голос. Хочу понять, что прячется за её тишиной. Хочу узнать, кто она на самом деле.

Я взял телефон и набрал номер Ани. Она ответила после второго гудка, и я услышал её голос, звонкий и радостный, как всегда.

— Димка! Ты чего звонишь так поздно? Соскучился?

— Соскучился, — признался я, и это была правда. — Как вы там? Как мама?

— Всё хорошо. Мама пирог испекла. Ждёт тебя. Говорит, ты худой.

Я улыбнулся. Впервые за день.

— Передай ей, что я скоро приеду. Соскучился по её пирогам.

— Передам. А ты как? Как провинция? Сильно все изменилось?

— Нормально, — ответил я. — Тихо здесь. Спокойно. Практически без изменений.

— Ты там не влюбился случайно? Голос у тебя какой-то другой, — спросила она, и я услышал в её голосе улыбку.

Я не ответил. Просто молчал. Аня, почувствовав меня, тоже замолчала. А потом сказала тихо:

— Дима?

— Что?

— Ты там поосторожнее. Ладно?

— Ладно, — сказал я, хотя не понял, что она имеет в виду. — Спокойной ночи, Аня.

— Спокойной ночи, Дим.

Я положил трубку и снова уставился в окно. Река блестела в лунном свете, и где-то вдалеке лаяла собака, и всё было тихо, спокойно, мирно. Но внутри меня что-то происходило. Я не мог это остановить, да и не хотел останавливать.

Утром я снова пришёл в офис, но её стол был пуст. Я стоял в дверях отдела кадров и смотрел на аккуратно сложенные бумаги, на серый свитер, забытый на спинке стула, и чувствовал, как внутри меня что-то сжимается. Я подошёл к женщине, которая сидела за соседним столом, и спросил, где Вера.

— На больничном, — ответила она, не поднимая глаз. — Вчера ушла. Сказала, что плохо себя чувствует.

Я кивнул, поблагодарил и вышел. Больничный. Плохо себя чувствует. Это могло означать что угодно. Но что-то внутри меня говорило, что это не просто простуда. Что-то случилось.

Я не мог её найти. Не знал, где она живёт. Не знал, как её зовут по фамилии. Я мог бы спросить в отделе кадров, но это было бы неправильно. Я не хотел быть тем, кто вторгается в чужую жизнь. Я хотел быть тем, кто просто рядом, но для этого мне нужно было её найти.

Я провёл весь день на заводе, разбираясь с документами, но мысли мои были далеко. Я думал о ней. О её глазах. О том, как она вздрогнула. О том, как отдёрнула руку. О том, как смотрела на меня. И чем больше я думал, тем сильнее становилось чувство, что я должен её найти. Не потому, что хотел что-то получить. А потому, что чувствовал: ей нужна помощь. И я мог её дать.

Вечером я вышел на улицу и пошёл по городу, не зная куда. Я просто шёл, смотрел на дома, на людей, на маленькие магазинчики, которые уже закрывались, и думал о ней. Я не знал, где она живёт, но внутренняя интуиция вела меня вперёд.

И тогда я увидел её.

Девушка сидела на скамейке в парке, у старого фонтана, который не работал. Она была в черном бесформенном свитере, с тем же рюкзаком, и она смотрела в никуда, как будто ждала чего-то, что никогда не придёт. Я остановился. Я не знал, что делать. Не знал, что сказать. Не знал, имею ли право подойти. Но что-то внутри меня подтолкнуло меня вперёд, и я шагнул. Я не знал, что скажу. Не знал, как объясню своё появление. Не знал, что она подумает. Я просто шёл к ней, и сердце моё билось быстрее, чем обычно, и я чувствовал, что этот момент что-то изменит.

Вера подняла глаза. Увидела меня. И я увидел, как в её глазах мелькнуло что-то — страх, удивление, что-то ещё. Она хотела встать. Хотела уйти. Я это видел. И я понял, что если она уйдёт сейчас, то уйдёт навсегда. Я не мог этого допустить.

— Не уходите, — попросил я тихо, и голос мой прозвучал в вечерней тишине мягко и спокойно. — Пожалуйста. Я не хочу Вас пугать. Я просто… я просто хотел узнать, всё ли с Вами в порядке. Вас не было на работе.

Вера внимательно посмотрела на меня. Я видел, как она борется с собой. Как одна часть её хочет убежать, а другая — остаться. Я не торопил. Я просто стоял и ждал. С надеждой.

— Почему Вы волновались? — спросила она с надеждой. — Вы меня совсем не знаете.

— Я знаю, что Вы — хороший человек, — улыбнулся я. — И я не хочу оставлять Вас одну. Вот и всё.

Она опустила глаза. Долго молчала, а потом сделала то, чего я не ожидал, — отодвинулась на скамейке, освобождая мне место рядом с собой.

Я сел. Мы сидели молча, глядя на неработающий фонтан, на голые деревья, на серое небо, которое медленно темнело. Я не знал, что сказать. Не знал, с чего начать. Я просто сидел рядом и чувствовал, что это правильно. Это то, что нужно.

— Спасибо, — поблагодарила Вера тихо, так тихо, что я едва расслышал.

— За что? — спросил я.

— За то, что не ушли, — ответила она. — Все уходят. А Вы остались.

Я посмотрел на девушку, посмотрел в её глаза, и увидел там не только боль, но и что-то живое, что она старательно прятала и боялась показать. Я понял, что узнать, кто она на самом деле. Хочу быть рядом. Не потому, что должен. А потому, что хочу этого.

— Я не уйду, — сказал я, и это была правда. — Я не знаю, что с Вами случилось. Но я не уйду. Если Вы позволите — я буду рядом. Просто рядом. Без вопросов и требований.

Вера не ответила. Она посмотрела на меня, и в её глазах я увидел слезу, которая скатилась по щеке и упала на свитер. Она не вытирала её.

Я сидел рядом и надеялся на то, что она меня не прогонит. В этот момент где-то в глубине души я понял, что эта женщина — не просто незнакомка. Что она — та, кого я искал всю жизнь, сам того не зная.

Мы сидели так долго, пока не стемнело. Разговаривали на нейтральные темы. Я попросил обменяться номерами телефонов. Вера согласилась, а после она встала и сказала, что ей пора. Я не спросил куда. Не спросил, увидимся ли мы снова. Я просто кивнул и сказал:

— Я буду завтра в офисе.

Я не решился предложить проводить Веру. Она не ответила. Просто ушла. Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла за поворотом. На душе бушевала целая гамма чувств.

Я вернулся в гостиницу, но не мог уснуть. Я сидел у окна, смотрел на реку, на тёмную воду, в которой отражались редкие огни, и думал о ней. О женщине с печальными глазами. О женщине, которую я хотел узнать. О женщине, которую я хотел спасти и вдохнуть жизнь.

Я не знал, кто она. Не знал, что с ней случилось. Не знал, почему она такая. Но я знал, что хочу увидеть её снова, хочу услышать её голос. Хочу понять, что прячется за её тишиной. Хочу узнать, кто она на самом деле.

А где-то в городе, в маленькой комнате с обоями в цветочек, женщина с печальными глазами сидела у окна и смотрела на телефон. На экране светилось моё имя. Она не звонила. Она просто смотрела, и в этот момент в дверь её комнаты постучали. Она подняла глаза и замерла.

Глава 5.

Вера

_____

Я вернулась домой, когда уже стемнело, и городок встретил меня тишиной, какой-то особенной, провинциальной, когда кажется, что весь мир замер и прислушивается к твоим шагам. Я шла по улице, вдыхая холодный воздух, который пах сыростью и первыми заморозками, и чувствовала, что во мне что-то изменилось.

Я думала о нём. О Диме. О его глазах, серых и спокойных, в которых не было ни лжи, ни осуждения, ни той липкой жалости, которую я так ненавидела. О его голосе, низком и ровном, который не давил, не требовал, не заставлял. О его словах: «Я не уйду». Я повторяла их про себя снова и снова, как молитву, как заклинание, как что-то, во что хотелось верить, но во что я боялась верить, потому что верить — значит снова рисковать. А рисковать я больше не могла. Я слишком устала. Я слишком много потеряла. Я слишком долго училась не чувствовать, чтобы теперь снова позволить себе это.

Я вошла в свою комнату, закрыла дверь, сняла пальто и села на кровать, не зажигая свет. В темноте было проще. В темноте никто не видел моего лица. В темноте я могла быть кем угодно — или никем. Я сидела так долго, глядя в окно, на тусклый свет фонаря, который качался от ветра, и слушала тишину, которая практически всегда была со мной.

Но в этот вечер тишина была другой. В ней звучал его голос. В ней были его глаза. В ней было что-то, чего раньше не было. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то, что я так старательно прятала от всех, но это теперь поднималось из глубины, как вода в затопленном трюме, и я не могла остановить это. Я и не хотела останавливать.

Я думала о том, как он смотрел на меня. Не как на тень, не как на мебель, не как на проблему, которую нужно решить. Как на человека. Как на женщину. Как на кого-то, кого можно любить. Не за фамилию. Не за отца. Не за статус. Просто так. И от этого мне хотелось плакать. И смеяться. И кричать. И молчать. Всё сразу. Всё, что я так долго запрещала себе чувствовать.

Я вспомнила его руку, когда он пожал мою. Тёплую. Сухую. Сильную. Я вспомнила, как отдёрнула свою, как будто обожглась, потому что не привыкла к прикосновениям, потому что любое прикосновение напоминало мне о том, что было, о том, что я так старательно пыталась забыть. Но его прикосновение было другим. Оно было мягким. Оно было безопасным.

Я сидела в темноте и думала о нём, и что-то внутри меня оттаивало. Медленно. С трудом. Но оттаивало. Как лёд весной. Как земля после долгой зимы. Как сердце, которое давно перестало биться, но вдруг снова почувствовало, что оно живое.

И тогда я услышала стук.

Тихий. Осторожный. Как будто тот, кто стоял за дверью, не был уверен, что ему откроют. Я вздрогнула. Я всегда вздрагивала от неожиданных звуков. Это было сильнее меня. Это было в моей крови. Это было в моей памяти. Я замерла, прислушиваясь, и стук повторился. Ещё тише. Ещё осторожнее. Как будто тот, кто стоял за дверью, боялся меня напугать. Как будто тот, кто стоял за дверью, знал, что я боюсь.

Я встала. Медленно. Ноги дрожали. Я всегда боялась открывать дверь. Всегда боялась, что за ней стоит кто-то, кого я не хочу видеть. Кто-то из прошлого. Я подошла к двери и остановилась. Положила руку на холодную поверхность. Прислушалась. За дверью было тихо.

Я открыла дверь.

На пороге стояла Лена.

Она стояла, прислонившись плечом к дверному косяку, в своём любимом красном пальто, с растрёпанными волосами и огромной сумкой, из которой торчали продукты, и улы-

балась — той самой улыбкой, которая всегда означала, что она появилась без предупреждения, потому что решила, что так будет лучше. Лена смотрела на меня, и в её глазах было столько всего — радость, тревога, любовь, — что я не выдержала и заплакала.

— Ну-ну, — сказала она, шагнув через порог и обнимая меня так крепко, что у меня перехватило дыхание. — Только не начинай. Я не за этим приехала. Я приехала, чтобы ты меня накормила и рассказала, как ты тут живёшь. А не чтобы ты рыдала мне в плечо.

Я смеялась и плакала одновременно, уткнувшись в её пальто, которое пахло духами и поездом, и чувствовала, как что-то внутри меня отпускает. Что-то, что я так долго держала в себе. Лена была здесь. Лена приехала. Лена не забыла. Лена была рядом.

— Как ты меня нашла? — спросила я, когда мы наконец отстранились друг от друга и прошли в комнату.

— Ты серьёзно? — она посмотрела на меня, как на умалишённую, и поставила сумку на стол. — Я знаю твой адрес. Я знаю, где ты работаешь. Я знаю всё. Ты думала, что можешь просто исчезнуть и я не найду тебя? Ты меня недооцениваешь, дорогая.

Подруга села на кровать, огляделась по сторонам и поморщилась.

— Боже, Вера, как ты здесь живёшь? Обои в цветочек? Это же прошлый век. И где ты готовишь? У тебя даже плиты нет.

— Есть плита, — сказала я, садясь рядом. — На общей кухне. Я просто редко готовлю.

— Редко готовлю, — передразнила она. — Ты вообще ешь? Ты выглядишь как призрак. Кожа да кости. Я тебя, пожалуй, заберу отсюда. Серьёзно. Соберу твои вещи, посажу тебя в поезд и увезу в Москву. Будешь жить у меня, пока не придёшь в себя.

— Лена, — сказала я тихо. — Я не хочу в Москву.

Она замолчала. Посмотрела на меня долго, внимательно, как умела только она, и вздохнула.

— Знаю, — согласилась подруга. — Поэтому и приехала сюда. Взяла отпуск на две недели. На работе, слава богу, всё уладила. Так что теперь я твоя. На две недели. Делай со мной что хочешь.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. По-настоящему. И Лена, увидев это, улыбнулась в ответ.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — А теперь веди меня на кухню. Я привезла вино и всё, что нужно для нормального вечера. Потому что мы будем пить, есть и разговаривать. И ты мне всё расскажешь. Всё. Поняла?

Я кивнула. И мы пошли на кухню.

Мы просидели до глубокой ночи. Лена рассказывала о своей жизни — о своей работе, о том, как она получает удовольствие от танцев, о том, как скучает по мне. Я слушала и улыбалась, и в какой-то момент поняла, что тоже скучала. По ней. По её голосу. По её смеху. По тому, как она всегда знала, что сказать, чтобы стало легче.

— А ты? — спросила подруга наконец, когда бутылка вина опустела и мы перешли на чай с тортом. — Как ты? Только честно. Не надо мне говорить, что всё хорошо. Я же вижу.

Я молчала. Я не знала, что сказать. Не знала, как объяснить то, что происходило внутри меня. Не знала, как рассказать о Диме.

— Я не знаю, — сказала я наконец. — Всё сложно. Я как будто заново учусь жить. И это страшно. И больно. И… и иногда кажется, что получается.

Лена смотрела на меня долго. Потом взяла мою руку и сжала.

— Ты справишься, — поддержала она тихо. — Я знаю. Ты сильная. Ты всегда была сильной. Даже когда думала, что нет. Даже когда все остальные думали, что нет. Ты справишься. А я буду рядом. Слышишь? Я буду рядом. Всегда.

Я кивнула. Слёзы снова подступили к глазам, но я не дала им выйти. Я слишком устала плакать. Слишком устала быть слабой. Я хотела быть сильной. Хотела быть той, за кого Лена меня принимает. Хотела быть той, кем я, может быть, когда-нибудь стану.

Мы легли спать поздно. Лена — на кровати, я — на старом диване, который едва помещался в комнате. Я лежала и слушала, как она дышит, и чувствовала, что не одна. Впервые за долгое время не одна. И от этого хорошо и тепло на душе. Это было то, что мне нужно.

А утром Лена проснулась раньше меня, сварила кофе на общей кухне, принесла его в комнату и сказала, что идёт в магазин за продуктами. Я осталась одна. Ненадолго. Просто чтобы привести себя в порядок. Просто чтобы собраться с мыслями.

Я сидела на кровати и смотрела в окно. Утро было серым, но не мрачным. Обычным. Спокойным. Я думала о Диме. О том, что он, наверное, уже в офисе. О том, что он, наверное, ждёт меня. О том, что я не знаю, что скажу, когда увижу его. О том, что я хочу его увидеть. И боюсь. И хочу. И боюсь.

Я встала, умылась, надела серую водолазку и тёмные джинсы — те самые, в которых приехала сюда. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная. Худая. С тёмными кругами под глазами. Но что-то в моём взгляде было другое. Что-то, чего не было раньше- может быть, это была надежда.

Я вышла из комнаты и пошла к выходу. Я не знала, куда иду. Не знала, что буду делать. Я просто шла. По улице. Мимо домов. Мимо магазинчиков. Мимо людей, которые не смотрели на меня. Я шла и думала о нём. О Диме. О его глазах. О его голосе. О его словах.

Я не заметила, как оказалась у парка. У того самого парка, где мы сидели вчера. У того самого фонтана, который не работал. Я остановилась. Посмотрела на скамейку. На ту самую скамейку, где мы сидели. И почувствовала, что что-то тянет меня туда. Что-то, чему я не могла дать названия. Что-то, что было сильнее меня.

Я села на скамейку. Закрыла глаза. И стала ждать. Сама не зная чего. Хотя в глубине души я понимала, что хочу увидеть Дмитрия, но не решаюсь признаться в этом даже самой себе.

И тогда я услышала шаги.

Я открыла глаза. И увидела его. Дима шёл по аллее, в пальто цвета хаки, в белых кроссовках и с руками в карманах, и смотрел на меня. Он улыбался своей шикарной улыбкой и в его глазах было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

Дмитрий подошёл, остановился и сказал:

— Я знал, что найду Вас здесь.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Не знала, что чувствую. Я просто смотрела на него с чувством надежды, страха и ожидания.

— Почему? — спросила я наконец.

— Потому что я тоже не мог сидеть на месте, — сказал он. — И я понял, что Вы не придете в офис. А я хочу Вас увидеть. Просто увидеть. Просто убедиться, что с Вами всё хорошо. Просто поболтать о чем-нибудь.

Я молчала. Слова застревали в горле от волнения и нерешительности.

— Я хочу Вам кое-что показать. Это недалеко. Вы согласны?

— Да, — осторожно ответила я. — Согласна.

Дмитрий вновь улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и я невольно улыбнулась в ответ. Мы пошли вдоль аллеи, мимо фонтана и деревьев.

Мы шли по улицам городка, и я впервые за долгое время не молчала, я сама завела разговор. Не потому, что заставляла себя говорить, а потому, что слова приходили сами — легко, свободно, без усилия. Мы говорили обо всём и ни о чём. О музыке, которую он любил и которую я когда-то слушала в юности, о старых фильмах, которые оба видели сотню раз, но готовы были пересматривать снова. О книгах — он признался, что в детстве зачитывался приключенческими романами, а я рассказала, что прятала под подушкой томики стихов и читала их при

свече, когда все в доме уже спали. Он смеялся, когда я вспомнила, как однажды уронила книгу в ванну и потом сушила её феном, страницу за страницей. Я улыбалась, когда он рассказывал, как в школе пытался играть в футбол, но каждый раз оказывался на скамейке запасных, потому что предпочитал наблюдать за игрой, а не участвовать в ней. Мы говорили о мелочах — о том, какой чай лучше, чёрный или зелёный, о том, что провинциальные города пахнут иначе, чем столица, о том, как странно устроена память: она хранит самые незначительные моменты и стирает самые важные. Ни один из нас не касался прошлого. Ни один не задавал вопросов, на которые не хотел бы отвечать. Мы просто шли, и говорили, и дышали, и я чувствовала, что что-то внутри меня оттаивает — медленно, слой за слоем, как лёд весной. Я не знала, куда мы идём. Не знала, что он хочет показать. Но впервые за долгое время мне было всё равно. Потому что я была не одна. Потому что рядом был он. Потому что его шаги звучали в такт моими, и от этого становилось теплее.

Мы вышли к реке, потом свернули на тихую улочку, потом ещё раз, и я перестала узнавать места. Мы шли мимо старых домов с резными наличниками, мимо заборов, увитых плющом, мимо яблонь, которые уже отцвели, но ещё хранили в ветвях запах весны. Я не спрашивала, куда мы идём. Я просто шла. И слушала его голос. И чувствовала, как что-то во мне меняется. Как что-то во мне оживает.

А потом Дима остановился и я увидела то, что он хотел показать.

Это было старое здание. Большое. Серое. С высокими окнами и облупившейся краской. Рядом была река. Несмотря на то, что здание было не новым, место было красивым. Когда-то здесь была школа, потом — библиотека, потом — что-то ещё, а теперь оно пустовало, и в его окнах не горел свет. Я видела это здание много раз, проходя мимо, но никогда не задумывалась о нём. А теперь, глядя на него, я почувствовала, что неведомая сила тянет меня туда.

А потом я увидела, что в одном из окон горит свет: тусклый, желтый, живой. Как будто там кто-то был. Как будто там кого-то ждали. Как будто там что-то происходило. Я посмотрела на Диму. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, от чего у меня по спине пробежал холодок.

— Пойдёмте, — сказал он тихо. — Я хочу Вам кое-что показать.

И я пошла потому, что не могла сказать «нет». Не могла отказаться от чего-то, что было так похоже на спасение. Не могла закрыть дверь, которую он открыл. Не могла погасить свет, который он зажёг.

Мы вошли внутрь, и я замерла. Потому что то, что я увидела, было не тем, что я ожидала. Совсем не тем.

Глава 6.

Дмитрий

———————

Я вёл её по тёмному коридору старого здания, и каждый мой шаг отдавался эхом в пустоте, которая царила здесь много лет. Я знал этот коридор наизусть — знал каждую трещину на стенах, каждую скрипучую половицу, каждое пятно на потолке. Я знал это место так, как знают собственный дом. Потому что когда-то, много лет назад, оно и было моим домом.

Мы вошли в большой зал, где когда-то была библиотека. Высокие окна, стеллажи вдоль стен, старые столы, покрытые пылью. Я остановился в центре зала и посмотрел на неё. На Веру. На то, как она смотрела по сторонам, как её глаза скользили по стенам, по окнам, по потолку. Она не говорила ни слова. Просто смотрела. И я видел, как что-то в её лице меняется.

— Что это за место? — спросила Вера наконец, и голос её прозвучал в тишине мягко и глухо.

Я не ответил сразу. Я подошёл к одному из столов, провёл рукой по пыльной поверхности и улыбнулся. Воспоминания нахлынули на меня, как волна. Тёплые. Живые. Настоящие. Я закрыл глаза и увидел себя мальчишкой, который сидел за этим самым столом и читал книги. Часами. До темноты. Пока мама не приходила за мной и не говорила, что пора домой.

— Когда-то здесь была школа, — сказал я тихо. — Потом библиотека. Потом что-то ещё. А для меня это место всегда было домом. Или, точнее, вторым домом.

Она посмотрела на меня. В её глазах был вопрос. Я не стал ждать, пока она его задаст. Я просто продолжил.

— Мой отец начинал здесь. В этом городе. Когда я был маленьким, мы жили небогато. Отец только начинал свой бизнес, и денег не хватало на всё. Мы снимали маленькую квартиру на окраине, и мама работала в школе, а отец целыми днями пропадал на заводе. Я почти не видел его. Но каждое воскресенье он брал меня с собой. Мы шли сюда. В эту библиотеку. Он садился за тот стол, за которым сейчас стою я, и читал. А я сидел рядом. И тоже читал. И это было наше время. Только наше- без работы и текущих проблем.

Я замолчал. Посмотрел на неё. Вера слушала. Внимательно, не перебивая. И в её глазах было что-то тёплое и живое. Что-то, что она старательно прятала от всех, но что теперь выходило наружу.

— Отец умер, когда мне было двадцать три, — начал откровенничать я. — Он оставил мне бизнес, который к тому времени уже разросся. Оставил мне ответственность. Оставил мне долг. Но он не оставил мне главного. Он не оставил мне этого места. Я сам нашёл его. Много лет спустя. Когда приехал сюда по делам. Я увидел это здание, все вспомнил и понял, что хочу его купить. Хочу вернуть его к жизни. Хочу, чтобы здесь снова был дом для кого-то. Для тех, кому нужен дом.

Вера внимательно слушала, а затем спросила:

— Что Вы хотите здесь сделать?

Я улыбнулся.

— Центр для детей, — ответил я. — Хочу открыть здесь центр для детей. Чтобы они могли приходить сюда. Заниматься. Читать. Играть. Учиться чему-то новому. Чтобы у них было место, где их ждут. Где их любят.

— Почему Вы мне это рассказываете? — спросила она тихо.

Я посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На то, как она стояла в этом старом, разрушающемся зале, и в её облике было то, что заставило меня замереть.

— Потому что Вы — первый человек, которому я захотел это рассказать, — признался я. — Потому что Вы — первый человек, с которым я захотел этим поделиться. Потому что Вы — первый человек, который, как мне кажется, может понять меня до конца.

Вера опустила глаза. Долго молчала. А потом сделала то, чего я не ожидал, — подошла к окну и посмотрела на реку. На воду, которая блестела в лучах солнца. На мир, который был за стеклом.

— Я тоже когда-то мечтала о доме, — призналась она тихо, не оборачиваясь. — О месте, где меня ждут. Где меня любят. Где я могу просто быть. Но потом перестала. Потому что поняла, что такого места нет. По крайней мере, для меня.

Я подошёл к ней. Остановился рядом. Не слишком близко. Но и не слишком далеко. Так, чтобы она чувствала, что я рядом. Так, чтобы она знала, что я здесь.

— Есть, — сказал я. — Просто Вы его ещё не нашли.

Вера повернулась ко мне и внимательно посмотрела на меня своими красивыми глазами, и в этот момент я понял, что хочу, чтобы она нашла это место. Хочу, чтобы она нашла свой дом. Хочу, чтобы она нашла себя. .

Мы стояли так долго. Молча. Глядя друг на друга. И я чувствовал, что между нами что-то есть. Это чувство между нами росло и крепло тихими, осторожными шагами.

А потом она произнесла:

— Спасибо. За то, что показали это место. За то, что рассказали. За то, что… за то, что Вы такой.

Я не знал, что ответить.

— Я хочу помочь, — сказала она вдруг, и голос её был тихим, но в нём было что-то, чего я не слышал раньше. Что-то твёрдое. Что-то решительное. Что-то живое. — С центром. Я хочу помочь. Я не знаю как. Не знаю, что могу. Но я хочу. Если вы позволите.

Я смотрел на Веру и не верил своим ушам. Не верил, что она это сказала. Не верил, что она предложила. Не верил, что она сама сделала первый шаг на встречу ко мне.

— Конечно, — сказал я, и голос мой дрогнул. — Конечно, позволю. Я буду рад. Я буду очень рад. Я завтра уезжаю в Москву. На несколько дней по делам. Но я вернусь. Я вернусь, и мы продолжим. Хорошо?

Она кивнула.

Мы вышли из здания. На улице уже стемнело. Фонари горели тускло, и воздух был холодным, колким, но почему-то не злым. Мы шли по улице молча, но это молчание было другим, в нём не было пустоты.

Я проводил Веру до дома. До того самого дома с обоями в цветочек, где её ждала подруга. Она остановилась у подъезда и посмотрела на меня. На моё лицо. На мои глаза. На то, как я смотрел на неё. И в этот момент я понял, что не хочу, чтобы она уходила. Хочу, чтобы она осталась. Хочу, чтобы она была рядом. Хочу, чтобы это не заканчивалось.

— Спасибо, — поблагодарила она тихо. — За сегодня. За то, что показали. За то, что рассказали. За то, что…

— Не за что, — перебил осторожно я. — Я рад, что Вы согласились пойти. Я рад, что Вы рядом.

Она смотрела на меня и не знала, что сказать. Не знала, что чувствует.

— Можно я напишу Вам?

Вера быстро кивнула и ушла. Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью. А потом пошёл обратно. К гостинице. По тёмным улицам. Мимо домов. Мимо магазинчиков. Я шёл и думал о Вере. О женщине с печальными глазами. О женщине, которая стала для меня чем-то большим, чем просто незнакомка. О женщине, которую я хотел узнать.

Я вернулся в гостиницу, но не мог уснуть. Я сидел у окна, смотрел на реку, на тёмную воду, в которой отражались редкие огни, и думал о ней. О том, как она смотрела на старое здание. О том, как она сказала, что хочет помочь. О том, как она улыбнулась. И я понял, что хочу увидеть эту улыбку снова. Хочу слышать её голос. Хочу быть рядом.

Вера вошла в комнату, и Лена сразу же оторвалась от книги, которую читала, сидя на кровати с ногами. Она посмотрела на подругу внимательно, оценивающе, как умела только она, и отложила книгу в сторону.

— Ну наконец-то, — сказала она, скрещивая руки на груди. — Я уже начала волноваться. Ты где была? Я вернулась из магазина, а тебя нет. Телефон не отвечает. Я уже хотела идти тебя искать.

Вера молчала. Она сняла пальто, повесила его на спинку стула и села на край дивана. Внутри неё всё ещё звучал его голос. Его слова. Его смех. Всё ещё стояло перед глазами старое здание с горящим окном. Всё ещё чувствовалось тепло, которое она не чувствовала давно.

— Я гуляла, — ответила она наконец. — Просто гуляла.

Лена прищурилась. Она знала Веру слишком хорошо, чтобы поверить в такое простое объяснение. Слишком хорошо, чтобы не заметить, что что-то изменилось. Что-то в глазах. Что-то в голосе. Что-то в осанке. Что-то, чего не было ещё утром.

— Гуляла, — повторила она, и в её голосе прозвучала усмешка. — Просто гуляла. А почему у тебя глаза блестят? Почему ты улыбаешься?

Вера опустила глаза. Она не знала, что ответить. Не знала, как объяснить. Не знала, что чувствует. Она просто сидела и молчала, и в этом молчании было что-то, что говорило громче слов.

Лена встала с кровати, подошла к дивану и села рядом. Она взяла Веру за руку и сжала её — мягко, но настойчиво, как умела только она.

— Вера, — сказала она тихо. — Я же вижу. Ты не просто гуляла. Ты была с кем-то. С тем самым, о котором не хочешь говорить. С тем, кто смотрит на тебя так, будто ты — самое важное, что он видел в жизни. Я права?

— Я не знаю, — призналась Вера. — Я ничего не знаю. Я просто… я просто хочу, чтобы это не заканчивалось.

Лена улыбнулась в ответ — той самой улыбкой, которая всегда означала, что она всё поняла.

— Ну что ж, — сказала она, откидываясь на спинку дивана. — Тогда рассказывай. Всё. С самого начала. Где вы были? Что он говорил? Что ты чувствовала? И, главное, — она подняла палец, — почему ты до сих пор не сказала мне, что он такой красивый?

Вера рассмеялась. Впервые за долгое время по-настоящему. И Лена рассмеялась вместе с ней.

А где-то в Москве, в пустой квартире с видом на ночной город, человек, которого Вера так старательно пыталась забыть, сидел за столом и смотрел на фотографию. На фотографию, где они были вместе. Где они улыбались. Где они были счастливы. Он смотрел на неё долго. А потом взял телефон и набрал номер.

— Я знаю, где она, — сказал он. — Я выезжаю через неделю.

Глава 7.

Вера

———————

Он уехал рано утром, и я узнала об этом из короткого сообщения, которое пришло на телефон, когда я ещё лежала в постели, глядя в потолок и вспоминая вчерашний вечер. «Уезжаю. Дорога займёт несколько часов. Напишу, как доберусь».

Лена, которая всё это время сидела на диване с чашкой чая и наблюдала за мной с той самой понимающей улыбкой, которую я знала с детства, поставила чашку на стол и скрестила руки на груди.

— Ну что, — сказала она. — Рассказывай. Кто он? Откуда? Почему ты смотришь на телефон так, будто ждёшь, что он сейчас заговорит?

Я молчала, потому что не знала, что сказать, не знала, как объяснить то, что происходило внутри меня, не знала, как рассказать о Диме. О том, что он — новый владелец завода, о том, что он приехал сюда по делам, о том, что он единственный, кто смотрел на меня не как на тень, а как на человека. О том, что он сказал: «Я не уйду». И о том, что он уехал. Пусть и обещал вернуться, но уехал.

— Я не знаю, — призналась я наконец. — Я правда не знаю. Он просто… он просто хороший. Он не такой, как все.

Лена смотрела на меня долго, а потом вздохнула и села рядом.

— Хороший, — повторила она. — Знаешь, сколько раз я слышала это слово от тебя? Ни разу. За все годы, что мы знакомы, ты ни разу не сказала ни о ком «хороший». Даже об Игоре. Даже тогда, когда вы были вместе. Ты говорила «красивый», «умный», «сильный», но никогда — «хороший». А сейчас сказала. И знаешь, что это значит?

— Что? — спросила я тихо.

— Что он действительно хороший, — утвердила она. — И что ты боишься этого, потому что хорошее всегда страшнее плохого. Плохое ты знаешь, плохое ты умеешь переживать, а хорошее — нет. Хорошее ты боишься, потому что не знаешь, как его удержать.

Я слушала её и чувствовала, как внутри меня сжимается моя душа словно пружина.

— Я не знаю, как, — сказала я. — Я не знаю, как удержать. Я не знаю, как верить. Я не знаю, как…

— Шаг за шагом, — перебила она. — Просто шаг за шагом. Ты не можешь всю жизнь бояться, не можешь всю жизнь прятаться, не можешь всю жизнь быть тенью. Ты заслуживаешь большего. Слышишь? Большего.

Я кивнула не потому, что поверила, а потому, что хотела поверить. Хотела, чтобы её слова оказались правдой, хотела, чтобы я действительно заслуживала большего, хотела, чтобы это было так.

Вечером того же дня я получила сообщение. От него. Короткое и простое: «Долетел. Всё хорошо. Как Вы?»

Я смотрела на экран телефона долго, не решаясь ответить, и решилась отправить сообщение лишь через час: «Всё хорошо. Спасибо, что написали.»

Он ответил через минуту: «Я буду писать каждый день. Если Вы не против.»

Я не была против. Я была за. Я была больше чем за. Но я не знала, как это сказать, не знала, как признаться, что жду его сообщений, что жду его звонков, что жду его. Я просто написала: «Хорошо.»

И с этого дня началась наша переписка.

Он писал каждое утро — коротко и просто: «Доброе утро. Как спалось?» Я отвечала так же коротко и просто: «Доброе утро. Хорошо.» Потом он писал днём: «Как дела на работе?» Я отвечала: «Всё спокойно.» Потом вечером: «Как прошёл день?» Я отвечала: «Обычно.» И он писал снова, и я отвечала снова, и так день за днём — медленно, осторожно. Но каждое утро я просыпалась и первым делом смотрела на телефон, ждала, надеялась, хотела.

Иногда Дмитрий звонил поздно вечером, когда Лена уже спала, а я сидела у окна, глядя на тёмную улицу. Его голос в трубке был низким, ровным, спокойным. Он рассказывал о Москве, о делах, о встречах, о том, как скучает по этому городку, по тишине, по реке, по старому зданию. И я слушала его голос и чувствовала, что не одна — впервые за долгое время кто-то ждёт моего ответа, кто-то хочет слышать мой голос.

Однажды Дмитрий спросил:

— А Вы скучаете?

Я молчала, потому что не знала, как признаться, не знала, что будет, если я скажу правду.

— Немного, — ответила я наконец, и это было самое честное слово, которое я произнесла за последнее время.

Он не ответил сразу, и я слышала его дыхание в трубке, слышала тишину, слышала что-то, что было больше слов. А потом Дмитрий сказал:

— Я тоже. Очень.

И я улыбнулась — в темноте, в одиночестве, в тишине. Я улыбнулась, и это было хорошо, это было правильно, это было то, что я должна была сделать.

На третий день он написал: «Можно, я буду обрazваться к тебе на „ты“?» Я смотрела на эту короткую фразу дольше, чем следовало, и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается и разжимается одновременно, как будто сердце училось биться заново. Я так давно никому не говорила «ты», так давно никого не подпускала настолько близко. Но пальцы сами набрали ответ раньше, чем я успела подумать: «Можно.» А через секунду я добавила: «И я буду.» Он ответил коротко: «Спасибо.» И почему-то от этого простого слова у меня защипало в глазах.

С этого дня наши сообщения стали другими — короче и ближе. «Ты поела?» — спрашивал он вечером. «Ты поел?» — спрашивала я утром, хотя знала, что он обычно завтракает в офисе, на ходу, чашкой кофе. «Ты устал?» — писала я поздно ночью. «Ты не спишь?» — спрашивал он. И в этих коротких фразах было больше тепла, чем во всех длинных разговорах, которые я вела за последнее время. Я стала ловить себя на том, что улыбаюсь, читая его сообщения, что жду их, что живу от одного его «доброе утро» до следующего.

Лена, которая с каждым днём смотрела на меня всё более понимающе, однажды сказала:

— Ты изменилась за эти дни. Ты стала другой — не такой, как была, не такой, как в клинике. Ты стала… живой. Ты снова расцветаешь.

Я посмотрела на неё, на её лицо, на её глаза, на то, как она смотрела на меня — с теплом и с надеждой.

— Я не знаю, — сказала я тихо. — Я не знаю, живая ли я, не знаю, что это значит. Я просто… я просто жду. Каждый день, каждое утро, каждую минуту. Я жду его сообщений, жду его звонков, жду его. И это…

— Это значит, что ты живая, — сказала Лена. — Это значит, что ты чувствуешь. Это значит, что ты снова здесь — не в прошлом, не в своей боли, не в своей голове, а здесь, сейчас, с нами, со мной, с ним.

Шесть дней пролетели как один — шесть дней, наполненных короткими сообщениями, долгими звонками, тишиной, которая перестала быть не пустой. Шесть дней, за которые я научилась ждать, научилась надеяться, научилась верить. Хотя бы немного. Хотя бы чуть-чуть.

На седьмой день Дима написал: «Я приеду завтра. Хочу тебя увидеть. Можно?»

Я сидела и смотрела на экран, и чувствовала, как сердце бьётся быстрее, чем обычно, быстрее, чем должно, быстрее, чем я могла себе позволить.

«Да, — написала я. — Можно.»

Он ответил сразу: «Я заеду за тобой в четыре. Оденься удобно. И тепло. Это важно.»

Я не спросила, куда мы поедем, не спросила, что Дима задумал. Я просто кивнула сама себе и положила телефон на стол, а потом подошла к шкафу и стала выбирать, что надеть. Впервые за долгое время мне было не всё равно, как я выгляжу.

Он приехал ровно в четыре, и я увидела его машину из окна. Я очень сильно волновалась. Я спустилась по лестнице, вышла на улицу и остановилась, глядя на него. Дима стоял у машины, в стильном пальто, с руками в карманах, и смотрел на меня так, как будто я была единственным, что имело значение, единственной, кого он хотел видеть.

— Здравствуй, — произнес он, и голос его был тихим, но в этой тишине было что-то, что заставило меня замереть. — Я рад тебя видеть.

— Я тоже, — ответила я, и это была правда.

Дима открыл мне дверь, я села в машину, и мы поехали. Я не спросила, куда, не спросила, зачем. Я просто смотрела в окно, на дома, на деревья, на реку, которые проплывали мимо, и чувствовала, как мое сердце внутри меня оттаивает — я так долго держала его в холоде.

Он вёл машину молча, не давил, не торопил, просто был рядом, просто ехал, просто ждал, когда я привыкну.

Мы выехали за город. Дорога вилась вдоль реки, потом свернула в лес, потом выехала на поляну, которая была освещена заходящим солнцем. Дмитрий остановил машину, вышел, открыл мне дверь и подал руку. Я взяла её, не колеблясь, не отстраняясь, не боясь. Я просто взяла его руку, и мы пошли по тропинке вглубь леса.

А потом мы вышли на берег озера — маленького, тихого, окружённого соснами. Вода блестела в лучах заходящего солнца, и воздух пах хвоей и чем-то ещё, давно забытым, но знакомым. Я остановилась, посмотрела по сторонам и не поверила своим глазам.

На берегу стоял стол, накрытый белой скатертью, с двумя стульями, с цветами в вазе, с едой, которая парила, как будто только что с плиты, и с фонарями, которые были расставлены вокруг, создавая ощущение, что мы — в другом мире. В мире, где нет боли, где нет страха, где нет прошлого, где есть только мы. Только здесь. Только сейчас.

— Что это? — прошептала я.

— Это свидание, — ответил он просто. — Настоящее. Первое. Для нас. Я хотел, чтобы оно было особенным, чтобы ты запомнила его, чтобы ты знала: ты заслуживаешь большего, чем просто ужин в кафе. Ты заслуживаешь чуда. И я хотел стать тем, кто его для тебя создаст.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Мне было приятно до мурашек осознавать что все это Дима приготовил для меня.

Он подвёл меня к столу, отодвинул стул, я села, он сел напротив, и, мы начали ужинать. Мы говорили обо всём и ни о чём: о музыке, о книгах, о фильмах, о мелочах, о том, что делает жизнь жизнью, о том, что делает её стоящей.

Когда солнце село и небо стало тёмно-синим, а фонари зажглись ярче, Дима встал, обошёл стол и остановился рядом со мной. Он не сказал ни слова, просто смотрел на меня и в его глазах было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

Он протянул мне руку, и я встала. Мы стояли так близко, что я чувствовала тепло, которое шло от него, и слышала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, уверенно. Он поднял руку и медленно, очень медленно, коснулся моей щеки. Я не отстранилась, не вздрогнула, не закрыла глаза. Я просто стояла и смотрела на него, и чувствовала, как что-то внутри меня оттаивает — окончательно, бесповоротно, навсегда.

— Можно? — спросил Дима тихо, и в этом коротком слове было столько нежности, столько осторожности, столько уважения к моей боли, что я не выдержала и улыбнулась.

Я не ответила. Я просто подалась вперёд — сама, добровольно, сознательно. Я поднялась на носки, положила ладонь ему на грудь и коснулась его губ своими — мягко и неуверенно.

Он ответил — осторожно, бережно, как будто держал в руках что-то хрупкое и драгоценное, как будто боялся сделать больно, как будто знал, что я могу рассыпаться от одного неверного движения. Но я не рассыпалась, не отстранилась, не убежала. Я просто стояла и целовала его — под тёмно-синим небом, среди сосен, у тихого озера, в свете фонарей, которые он зажёг для меня. И в этот момент я поняла, что не хочу, чтобы это заканчивалось. Никогда. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

Мы отстранились друг от друга одновременно — медленно и словно нехотя.

— Спасибо, — прошептала я.

— За что? — спросил он.

— За то, что рядом, — ответила я. — За то, что…

— Я никуда не уйду, — сказал Дима, и голос его был твёрдым, как кремень. — Слышишь? Никуда. Никогда. Ты моя. Я твой. Навсегда. Ты поняла?

Я кивнула, и слёзы текли по щекам, но я не вытирала их, потому что не хотела вытирать. Я хотела, чтобы он видел, чтобы он знал, чтобы он чувствовал то же, что и я. И он видел, и он знал, и он чувствовал — я была уверена в этом так же, как в том, что завтра взойдёт солнце.

Он обнял меня — крепко, надёжно, как будто я была самым важным, что у него было. И я обняла его в ответ.

Глава 8.

Вера

———————

Утро после озера было странным — скорее всего потому что, что-то изменилось внутри меня. Я проснулась раньше обычного, ещё до того, как за окном начал светлеть край неба, и лежала в постели, глядя в потолок, и чувствовала, что во мне что-то оживает. Что-то, чему я не могла дать названия, но что упорно не желало уходить.

Я вспоминала его губы: теплые, мягкие, осторожные. Я вспоминала, как Дима держал мою руку — крепко, но не больно, надёжно, но не тяжело. Я вспоминала его слова: «Я никуда не уйду. Слышишь? Никуда. Никогда.» И в этих словах было столько уверенности, столько силы, столько правды, что я почти поверила. Почти — потому что верить до конца я давно разучилась. Но даже это «почти» было больше, чем я позволяла себе за последние годы.

Лена спала на кровати, свернувшись калачиком, как ребёнок, и тихо посапывала. Я смотрела на неё и улыбалась. Мне хотелось разбудить её и рассказать всё: о нём, о нас, о том, что произошло вчера у озера. Но я не стала. Пусть спит. Пусть отдохнёт. У неё отпуск, а у меня — работа, и работа ждать не будет.

Я встала тихо, чтобы не разбудить её, умылась, надела серую водолазку и тёмные джинсы — те самые, в которых чувствовала себя незаметной, — и вышла на улицу. Утро было холодным, но не злым. Воздух пах сыростью и первыми заморозками, и где-то вдалеке, за рекой, поднималось солнце, окрашивая небо в бледно-розовый цвет. Я шла по улице и думала о нём. О Диме. О его глазах, о его голосе, о том, как он смотрел на меня, когда мы стояли у озера, как будто я была единственным, что имело для него значение.

Я пришла на работу раньше обычного, и это было к лучшему, потому что в офисе уже царила суета. Последние дни завод готовился к большому событию — завтра ему исполнялось тридцать лет, и это торжество всколыхнуло даже самых флегматичных сотрудников, которые, казалось, годами не выходили из состояния спокойной отрешённости. Женщины из бухгалтерии развешивали гирлянды, мужчины из отдела снабжения таскали столы, а начальник производства, грузный мужчина с добродушным лицом, руководил всем этим хаосом с важным видом полководца перед битвой. Я стояла в стороне, держа в руках список дел, и чувствовала себя чужой на этом празднике жизни, но это было привычное чувство, и я давно научилась с ним жить.

Мне поручили организовать банкетную часть: заказать еду, расставить столы, подготовить приглашения, проследить за тем, чтобы всё было готово к завтрашнему вечеру. Я согласилась, хотя внутри всё сжалось от одной мысли о том, что придётся быть на виду, среди людей, которые будут смотреть на меня, разговаривать со мной, ожидать от меня чего-то. Но я давно научилась делать то, что нужно, даже если страшно. Особенно если страшно.

Я сидела за своим столом, разбирая списки и заявки, когда в дверях отдела кадров появился он. Дима. Я не ждала его, потому что знала: он в городе, у него дела, он вернётся вечером. Но когда я подняла глаза от бумаг и увидела его, сердце моё пропустило удар. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, с руками в карманах, и смотрел на меня так, как будто мы были одни в этом зале. Как будто вокруг не было людей.

— Здравствуй, — сказал он тихо, и голос его прозвучал в шуме офиса мягко и глухо.

— Здравствуй, — сказала я, и это прозвучало глупее, чем я хотела. — Ты рано.

— Я хотел тебя увидеть, — сказал он просто. — Не хотел ждать до вечера.

— У нас тут подготовка, — рассказала я, меняя тему, потому что не могла больше выдерживать его взгляд. — Завтра день рождения завода. Тридцать лет. Все готовятся.

— Я знаю, — сказал он. — Я приехал как раз из-за этого. Хотел быть здесь. С тобой. На празднике.

Я посмотрела на него. На его лицо. На его глаза. На то, как он смотрел на меня.

— Хорошо, — ответила я тихо. — Я буду рада.

Он улыбнулся. Впервые за всё время. По-настоящему. И я улыбнулась в ответ. И в этой улыбке было что-то, чего я не чувствовала давно. Что-то, что было важнее всего, что я знала.

Он ушёл, но перед этим сказал, что вечером заедет за мной, и мы пойдём куда-нибудь вместе. Я кивнула. Не могла отказаться от чего-то, что было так похоже на спасение. Не могла закрыть дверь, которую он открыл. Не могла погасить свет, который он зажёг.

Лена появилась после обеда. Она вошла в офис, огляделась по сторонам с видом человека, который привык быть в центре внимания, и направилась прямо ко мне.

— Ну что, — сказала она, ставя на стол пакет с продуктами, которые я просила купить. — Как дела? Как подготовка?

— Всё нормально, — сказала я. — Столы расставили, еду заказали, приглашения разослали.

— А как ты? — спросила она, и голос её стал другим — более мягким, более внимательным. — Ты выглядишь лучше. Намного лучше. Ты улыбаешься.

— Я не улыбаюсь, — сказала я, хотя знала, что она права.

— Улыбаешься, — подчеркнула подруга. — И это хорошо. Это значит, что ты живая. Что ты снова чувствуешь.

Я не ответила. Просто отвернулась к бумагам, которые нужно было разобрать, и почувствовала, как Лена смотрит на меня с той самой понимающей улыбкой, которую я знала с детства.

— Я видела твоего Диму сегодня, — произнесла она вдруг.- Он шёл по улице. Красивый, зараза. Я даже на секунду позавидовала.

Я засмеялась. Впервые за долгое время. И Лена засмеялась вместе со мной.

— Ладно, — сказала Лена, просмеявшись. — Я пойду. Не буду мешать. Но вечером я хочу знать всё. Всё. Поняла?

— Поняла, — ответила я, и это была правда.

День пролетел в хлопотах. Я звонила в кафе, заказывала еду, проверяла списки гостей, согласовывала меню с начальником производства, который каждый раз находил что-то, что нужно было исправить. К вечеру я устала так, что едва стояла на ногах.

Я сидела за своим столом, разбирая списки и заявки, когда мне сказали, что новый владелец просил занести ему документы в кабинет. Я собрала бумаги, которые нужно было подписать, и пошла на второй этаж, в конец коридора, где располагался кабинет директора. Я никогда там не была — ни разу за полгода работы. Я вообще старалась не заходить туда, где меня могли заметить. Но сейчас отказаться было нельзя.

Я постучала. Ответа не было. Я постучала снова. Тишина. Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Кабинет был пуст. Только стол, кресло, шкаф с документами и окно, за которым виднелась река. Я вошла, чтобы оставить бумаги на столе, и уже собиралась уйти, когда мой взгляд упал на телефон, лежавший на столе. Это был телефон Димы. И на экране светилось уведомление о входящем звонке. Имя- Игорь.

Я замерла. Не потому, что имя было мне знакомо. А потому, что заставка на телефоне была не абстрактной картинкой и не пейзажем. Это была фотография. Двое мужчин стояли рядом, улыбались в объектив, и между ними чувствовалась та самая лёгкость, которая бывает

только между близкими людьми. Я узнала одного из них сразу — это был Дима. Моложе, чем сейчас, но всё тот же: серые глаза, спокойный взгляд, уверенная поза. А второй… второго я тоже узнала. Я узнала бы его из тысячи. Я узнала бы его даже спустя сто лет. Потому что это был мой бывший муж.

Я смотрела на фотографию и не могла дышать. Внутри меня что-то оборвалось — резко, беспощадно, как будто кто-то перерезал нить, на которой держалась вся моя новая жизнь. Я смотрела на их улыбки, на их позы, на то, как они стояли рядом, как друзья, как братья, как люди, которые знают друг друга много лет. И я понимала, что всё, что я построила за эти недели, всё, что я позволила себе почувствовать, всё, что я так бережно собирала по кусочкам, — всё это рушится. Прямо сейчас. На моих глазах.

Я не помню, как вышла из кабинета. Не помню, как спустилась по лестнице. Не помню, как дошла до своего стола. Я помню только, что села, положила руки на стол и уставилась в одну точку. Передо мной стояла фотография. Их лица. Их улыбки. Их дружба. И я понимала, что Дима — не просто новый владелец завода. Дима — друг Игоря. Того самого Игоря, который выгнал меня на улицу. Того самого, который назвал меня шлюхой. Того самого, который сломал мне жизнь. И Дима знал его. Дима дружил с ним. Дима, возможно, слышал ту самую историю о жене, которая оказалась не той, за кого себя выдавала. Ту самую историю, в которой я была не жертвой, а предательницей.

Я сидела и смотрела в одну точку, и в этот момент что-то внутри меня сжалось. Что-то, что я так долго держала в себе. Что-то, что я так долго не позволяла себе чувствовать. Я не плакала. Слёзы закончились еще в больнице. Осталась только пустота. Только холод.

Я не знала, что делать. Не знала, что сказать. Не знала, что будет. Я просто сидела и смотрела в одну точку, и в этот момент в отдел кадров вошёл Дима. Он улыбался. Он не знал. Он не знал, что я видела. Он не знал, что я знаю. Он не знал, что всё изменилось.

— Ты готова? — спросил он. — Хочу показать тебе Кое-что. Ты не против?

Я посмотрела на него. На его лицо. На его глаза. На то, как он смотрел на меня. И не знала, что сказать. Не знала, что чувствую. Не знала, что будет. Я просто кивнула.

Мы вышли на улицу. Воздух был холодным, колким, но почему-то не злым. Небо было тёмным, звёздным, и луна висела над городом, как серебряная монета. Мы шли по улице молча, и я не спрашивала, куда мы идём. Я просто шла.

А потом он остановился. И я остановилась. И я увидела то, что он хотел показать. И замерла.

Мы стояли у того самого старого здания, где когда-то была библиотека. Здания, которое он хотел превратить в центр для детей. Здания, которое стало для нас чем-то большим, чем просто место. Здания, которое стало нашим местом.

— Что мы здесь делаем? — спросила я тихо.

— Я хочу показать тебе, что уже сделано, — сказал он. — Я начал ремонт. Пока только первый этаж, но это уже что-то. Пойдём.

Мы вошли внутрь. И я замерла. Потому что то, что я увидела, было не тем, что я ожидала. Совсем не тем.

Внутри было светло. Свежая краска на стенах, новые окна, новые двери. Рабочие, которые ещё не ушли, приветствовали Диму уважительными кивками. Он кивнул им в ответ и повёл меня дальше. В большой зал, где когда-то была библиотека. Там уже стояли новые стеллажи, новые столы, новые стулья. И на одном из столов лежала книга. Старая. Потрёпанная. С загнутыми уголками.

Я подошла ближе. Посмотрела на обложку. И замерла.

Это была та самая книга, которую я читала в детстве. Та самая книга, которую я прятала под подушкой и читала при свече, когда все в доме уже спали. Та самая книга, которая была моим убежищем, моим спасением, моим единственным другом.

— Откуда она у тебя? — прошептала я.

— Я искал её, — ответил он. — Долго искал. Хотел, чтобы ты знала: я помню всё, что ты мне рассказывала. О детстве. О книгах. О том, что они значили для тебя. Я помню всё. Потому что всё, что связано с тобой, важно для меня. Абсолютно всё.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Для меня это очень важно.

Он подошёл ко мне. Остановился рядом. Взял мою руку.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — начал он. — Я долго думал. И я понял, что не могу больше молчать. Я…

Но он не успел закончить. Потому что в этот момент где-то в глубине здания, за стеной, раздался звук. Резкий. Неожиданный. Чужой. Мы оба вздрогнули. Обернулись. И замерли.

В дверном проёме, который вёл в соседний зал, стояла женщина. Незнакомая. В рабочем комбинезоне. С ведром в руке. Она смотрела на нас с удивлением и явно не ожидала, что в здании кто-то есть.

— Ой, простите, — извинилась она. — Я думала, все уже ушли. Я тут убираюсь. Не буду мешать.

Работница ушла, а мы остались стоять — растерянные, сбитые с толку, но почему-то улыбающиеся.

— Пойдём, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Я отвезу тебя домой. Завтра большой день.

Я кивнула. И мы пошли к машине. И всю дорогу молчали, но это молчание было другим. В нём не было пустоты. В нём было что-то. Что-то, что росло. Что-то, что крепло. Что-то, что становилось больше нас.

Дима привёз меня домой. Остановил машину у подъезда и вышел, чтобы открыть мне дверь.

— Завтра, — сказал он. — Я заеду за тобой в шесть. Мы пойдём на праздник вместе. Ты согласна?

Я кивнула. Я хотела сказать ему про Игоря, но не решалась.

— Я буду ждать, — ответила я тихо.

Он улыбнулся. И уехал. А я осталась стоять у подъезда, глядя на дорогу, по которой он уехал, и чувствовала разочарование в самой себе из-за своей нерешительности и трусливости.

Я поднялась по лестнице, открыла дверь и увидела Лену. Она сидела на кровати с чашкой чая и смотрела на меня так, как умела только она — внимательно, понимающе, с лёгкой усмешкой.

— Ну? — спросила подруга. — Рассказывай. Всё. С самого начала. Где вы были? Что он говорил? Что ты чувствовала?

— Завтра, — ответила я. — Завтра я тебе всё расскажу. А сейчас я хочу спать. Завтра большой день.

Лена посмотрела на меня задумчиво. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но завтра, Вера, ты мне всё расскажешь. Всё. Поняла?

— Поняла, — сказала я, и это была правда.

Я легла на диван, укрылась старым пледом и закрыла глаза. Но сон не шёл. Я лежала и слушала, как Лена дышит, и думала о нём. О Диме. О его глазах.И о той фотографии. О той самой фотографии, где он стоял рядом с Игорем. С человеком, которого я так старательно пыталась забыть.

Я не знала, что делать. Не знала, как сказать об этом. Не знала, что будет, когда Дима узнает. Я просто лежала и смотрела в потолок.

Я уснула с мыслью, что завтра я расскажу ему правду. Всё. О себе. Об Игоре. О том, что случилось. Я расскажу ему, и он решит. И я приму его решение. Любое. Потому что я устала врать. Устала прятаться. Устала быть тенью.

Глава 9.

Вера

———————

Весь следующий день я провела как в тумане.

Утро началось с того, что Лена, едва проснувшись, потребовала обещанный рассказ, и я, сидя на диване с чашкой остывшего чая, рассказала ей всё. О Диме. О наших встречах. О поцелуе у озера.

Лена слушала, не перебивая, и на её лице сменялись выражения — удивление, радость, тревога. А когда я замолчала, она задумчиво посмотрела на меня и подытожила:

— Ты влюбилась.

Я не ответила. Не потому, что не хотела. А потому, что боялась произнести это вслух. Слова имеют силу. Слова делают правду настоящей. А я не была готова к тому, чтобы эта правда была озвучена.

— Ты влюбилась, — повторила Лена, и в её голосе не было ни насмешки, ни осуждения. — И это хорошо. Это правильно. Ты заслуживаешь.

— Я не знаю, — вздохнула я. — Я не знаю, что заслуживаю. Я не знаю, что правильно. Я не знаю ничего.

— Знаешь, — уверила она. — Просто боишься признать.

Я не стала спорить. Потому что она была права. Я боялась. Боялась признать, что снова чувствую. Боялась признать, что снова верю. Боялась признать, что снова люблю. Потому что последний раз, когда я позволила себе это, меня выгнали на улицу, ночью, в снег, с одним чемоданом. И я поклялась, что больше никогда не доверюсь мужчине. Никогда и никому.

А потом я вспомнила фотографию. Ту самую, на телефоне. Ту самую, где он стоял рядом с Игорем. И всё, что я рассказала Лене, показалось мне ложью. Потому что я не рассказала ей главного. Не рассказала, что он — друг моего бывшего мужа. Не рассказала, что он, возможно, знает ту самую историю, в которой я была не жертвой, а предательницей. Не рассказала, что всё, что между нами было, может рухнуть в любую минуту.

Я не сказала ей. Потому что боялась. Боялась, что она скажет то, что я и так знала: мне нужно поговорить с ним. Рассказать правду, всю правду и принять его решение.

Я собиралась на праздник медленно, как будто каждое движение давалось мне с трудом. Лена помогла мне выбрать платье — тёмно-синее, простое, но элегантное, которое она привезла с собой и которое, по её словам, было «идеальным для того, чтобы сразить наповал». Я не хотела сражать наповал. Я хотела просто пережить этот вечер и не сломаться.

Дима заехал ровно в шесть. Я услышала сигнал машины из окна и почувствовала, как внутри меня сжалось сердце. Я спустилась по лестнице, вышла на улицу и остановилась, глядя на него. Он стоял у машины, в тёмном костюме, с расстёгнутым воротом рубашки, и смотрел на меня так, как будто я была самой красивой девушкой на свете.

— Ты красивая, — признался он тихо, и в этих словах было столько искренности, столько тепла, что я почти забыла о том, что должна была сказать ему.

— Спасибо, — поблагодарила я, и это прозвучало глупее, чем я хотела.

Мы приехали в ресторан, который находился на берегу реки, в старом здании с высокими потолками и большими окнами. Внутри уже собрались люди — сотрудники завода, их семьи, приглашённые гости. Играла музыка, пахло едой и цветами, и атмосфера была тёплой, почти семейной. Я вошла в зал, держась за руку Димы, и почувствовала, как на нас смотрят.

Я хотела спрятаться, хотела стать невидимой, хотела исчезнуть. Но Дима держал меня за руку крепко и уверенно, и от этого становилось не так страшно. Он не давал мне упасть. Он не давал мне сбежать. Он просто был рядом и это было больше, чем я могла ожидать. Больше, чем я могла просить.

Вечер шёл своим чередом. Начальник производства произносил тост, в котором благодарил всех, кто работал здесь много лет, и обещал, что впереди у завода большое будущее. Люди смеялись, разговаривали, танцевали. Я стояла у окна, держа в руках бокал с лимонадом, и смотрела на этот праздник со стороны, как всегда. Лена, которая приехала отдельно и уже успела познакомиться с половиной зала, подошла ко мне и сказала:

— Ну что, подруга, ты готова? Я вижу, как он на тебя смотрит. Это не просто взгляд. Это взгляд человека, который готов на всё.

— Лена, — сказала я тихо. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Важное.

Она посмотрела на меня внимательно, и улыбка исчезла с её лица.

— Что случилось?

— Я не могу сейчас. Потом. Когда всё закончится.

Она кивнула, хотя было видно, что она хочет спросить больше. Но Лена умела ждать. Она всегда умела ждать.

Я отошла от неё и направилась к Диме, который разговаривал с кем-то из сотрудников. Я должна была сказать ему. Сейчас. Пока не поздно. Пока есть время. Пока правда не вышла наружу сама. Я набрала воздуха и уже собиралась заговорить, когда дверь ресторана открылась, и в зал вошёл человек.

Высокий. В тёмном пальто. С холодными глазами.

Время остановилось.

Я смотрела на него, и внутри меня всё оборвалось — резко, беспощадно, как будто кто-то перерезал нить, на которой держалась вся моя новая жизнь. Я смотрела на его лицо, на его глаза, на его хищную улыбку, и чувствовала, как страх просто парализует меня.

Дима обернулся. Увидел его. И на его лице теплое и радостное выражение лица. Оно говорило само за себя: он знает этого человека. Он рад ему. Он ждал его.

— Игорь, — произнес Дима, и голос его был спокойным, уверенным, как будто ничего не произошло. — Ты приехал. Я ждал тебя.

Игорь улыбнулся. Той самой улыбкой, которую я знала слишком хорошо. Красивой. Обаятельной. Лживой.

— Конечно, приехал, — сказал он. — Как я мог пропустить такой праздник? Тем более что ты сам меня пригласил.

Он перевёл взгляд на меня. И в его глазах мелькнуло что-то холодное и жестокое. Что-то, от чего у меня по спине пробежал холодок. Он узнал меня. Он узнал меня сразу. И теперь он смотрел на меня так, как смотрят на добычу, которую долго искали и наконец нашли.

— А это кто? — спросил Игорь, хотя знал ответ. — Ты не представишь меня своей спутнице?

— Это Вера, — ответил Дима, и голос его был твёрдым, как кремень. — Она работает на заводе. И она моя девушка.

Игорь улыбнулся. Медленно. Опасно.

— Вера, — повторил он, и моё имя прозвучало в его устах как приговор. — Какое красивое имя. Мы, кажется, уже встречались. Правда, Вера?

Я молчала. Не могла сказать ни слова. Не могла дышать. Не могла думать. Я просто стояла и смотрела, как рушится всё, что я так бережно собирала по кусочкам.

Дима посмотрел на меня. Потом на Игоря.

— Вы знакомы? — спросил он, и голос его был ровным, но в этой ровности было что-то страшное.

Игорь засмеялся тихим и жестоким смехом.

— О да, — ухмыльнулся он. — Мы знакомы. Более чем. Скажи, Вера, ты уже рассказала ему? Или он ещё не знает, кто ты такая?

Я закрыла глаза и в этот момент всё как будто замерло.

— Замолчи, — сказала я тихо, и голос мой дрожал. — Пожалуйста. Замолчи.

— А то что? — вновь ухмыльнулся Игорь. — Ты расскажешь ему сама? Или мне придётся?

— Что происходит?— спросил Дима. — и голос его был тихим, но в этой тишине было что-то страшнее крика.

Я открыла рот, чтобы сказать, чтобы объяснить, чтобы рассказать правду. Ту правду, которую я так долго прятала. Ту правду, которую я боялась произнести.

Но слова не шли. Они застревали в горле. Как камни. Как нож. Как пуля.

А Игорь смотрел на меня и ждал. А я понимала, что вновь нахожусь в ситуации, когда решается моя судьба.

Глава 10.

Дима.

———————

Я стоял в центре зала, держа в руке бокал с шампанским, и смотрел на дверь, в которой только что появился Игорь. Я ждал его. Я хотел, чтобы он приехал.

Но когда он вошёл, что-то в его лице заставило меня замереть- что-то очень жестокое. Что-то, от чего даже у меня по спине пробежал холодок.

Он смотрел не на меня, он смотрел мимо меня. На неё, на Веру.

Я обернулся. Она стояла рядом, держа в руке бокал с лимонадом, и смотрела на Игоря так, как смотрят на привидение. Бледная. Застывшая. Испуганная. Я никогда не видел её такой. Даже в самые трудные моменты. Даже когда она рассказывала мне о своём прошлом — а она почти не рассказывала, — она не выглядела так.

— Игорь, — сказал я, и голос мой был спокойным, уверенным, как будто ничего не произошло. — Ты приехал. Я ждал тебя.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, которую я знал много лет: красивой, обаятельной, публичной.

— Конечно, приехал, — ответил он. — Как я мог пропустить такой праздник? Тем более что ты сам меня пригласил.

Друг перевёл взгляд на Веру.

— А это кто? — спросил он как будто бы знал ответ. — Ты не представишь меня своей спутнице?

— Это Вера, — произнес я, и голос мой был твёрдым, как кремень. — Она работает на заводе. И она со мной.

Игорь улыбнулся как хищник, который нашёл то, что искал.

— Вера, — повторил он. — Какое красивое имя. Мы, кажется, уже встречались. Правда, Вера?

Я посмотрел на неё. Она молчала, опустив глаза в пол.

— Вы знакомы? — спросил я, и голос мой был ровным, но в этой ровности было что-то страшное.

Игорь засмеялся тихим и жестоким смехом.

— О да, — ответил друг. — Мы знакомы. Более чем. Скажи, Вера, ты уже рассказала ему? Или он ещё не знает, кто ты такая?

Я смотрел на него, на неё и в этот момент что-то внутри меня оборвалось.

— Замолчи, — сказала Вера тихо, и голос её дрожал. — Пожалуйста. Замолчи.

Но Игорь не замолчал. Он словно был одержим.

— А то что? — спросил он. — Ты расскажешь ему сама? Или мне придётся?

— Что происходит? — спросил я, до конца не осознавая что происходит.

Вера открыла рот, чтобы сказать что-то, но она словно не могла произнести и слова.

— Хорошо, — произнес он, и голос его был спокойным, почти ласковым. — Раз ты не хочешь, я скажу. Дима, ты знаешь, кто эта женщина? Это моя жена. Бывшая. Та самая, о которой я тебе рассказывал. Та самая, которая ушла от меня. Та самая, которая…

— Замолчи! — крикнула Вера, и голос её сорвался. — Замолчи! Ты не имеешь права! Ты не имеешь права говорить это! Ты не знаешь правды! Ты никогда не знал! Ты даже не спросил! Ты даже не выслушал! Ты даже не попытался понять! Ты просто…

Она замолчала. Потому что поняла, что сказала слишком много. Потому что поняла, что правда уже вышла наружу. Потому что поняла, что теперь всё изменится. Снова. Навсегда. Бесповоротно. Безвозвратно.

Я смотрел на неё и не мог поверить, что передо мной стоит бывшая жена моего друга.

Я знал эту историю. Игорь рассказывал её мне много лет назад. Тогда, когда мы только начинали работать вместе. Тогда, когда он ещё много пил. Тогда, когда он ещё не был тем, кем стал. Он говорил, что был женат. Что жена ушла от него. Что она уехала к другому. А потом в Европу. Что он искал её. Что он спрашивал у отца. Он сказал, что она уехала с мужчиной. Что она не хочет его видеть.

Я верил ему тогда. Потому что он был моим другом. Потому что он был моим партнёром. Потому что я не знал другой правды. Я не знал, что случилось на самом деле. Не знал, что было между ними. Не знал ничего. Я знал только то, что он мне рассказал.

А теперь я стоял и смотрел на неё. На женщину, которую я полюбил. На женщину, которая была женой моего друга. И я понимал, что всё, что я знал, — ложь.

— Ты его жена? — спросил я тихо.

Она кивнула.

— Бывшая, — сказала она. — Мы развелись. Он оформил развод заочно. Пока я была…

Она замолчала. Потому что не могла сказать это вслух. Потому что не могла произнести то, что случилось. Потому что не могла рассказать мне всё. Не сейчас. Не здесь. Не так.

— Ты рассказывал мне, что она ушла, — сказал я, и голос мой был тихим, но в этой тишине было что-то страшнее крика. — Ты говорил, что она бросила тебя. Что она уехала к другому. Что ты искал её. Что ты пытался её вернуть. Ты говорил, что она разбила тебе сердце. Ты говорил, что не можешь её забыть. Ты говорил…

— А что я должен был говорить? — перебил Игорь, и в его голосе зазвучала злость. — Ты знаешь почему мы расстались после бракосочетания? Знаешь, почему я никогда это не рассказывал? Потому что она…

— Замолчи, — сказал я, и голос мой был тихим, но в этой тишине было что-то, что заставило его замолчать. — Замолчи. Я не знаю, что произошло между вами. Я не знаю правды. Но я знаю одно: она боится тебя. Она смотрит на тебя так, как смотрят на то, от чего хотят убежать.

Игорь молчал, смотрел на меня и в его глазах было что-то, чего я не видел раньше.

— Она — моя жена, — сказал он наконец, и голос его был тихим, но в этой тишине было что-то, что заставило меня замереть. — Она была моей. Я не позволю, чтобы ты встал между нами. Я не позволю, чтобы ты её забрал. Ты понял?

Я знал, как он страдал. Я видел его в те годы, когда он только начинал работать со мной. Я видел, как он пил. Как он не спал ночами. Как он говорил о ней. Как он искал её. Как он не мог её забыть. Я видел его боль. Я видел его отчаяние. Я видел его пустоту и я жалел его.

А теперь я стоял и смотрел на неё.

И теперь передо мной стоял выбор. Между другом, который страдал. И женщиной, которую я полюбил. Между прошлым, которое я знал. И будущим, которого я хотел. Между дружбой, которая была. И любовью, которая есть. Я не знал, что делать. Не знал, что сказать.

— Я думаю, что нам нужно успокоиться, — сказал я наконец.

Игорь смотрел на меня с вызовом.

— Ты пожалеешь, — отрезал он. — Ты пожалеешь, что встал на её сторону. Ты пожалеешь, что не послушал меня. Я тебе обещаю.

Он развернулся и вышел. Хлопнул дверью. И в зале стало тихо. Так тихо, что я слышал, как бьётся моё сердце. Так тихо, что я слышал, как дрожит её дыхание.

Я повернулся к Вере, но её уже не было. Она исчезла. Просто исчезла.

Я бросился к двери и выбежал на улицу. Осмотрелся по сторонам. Никого. Только тёмная улица, редкие фонари и холодный ветер, который бил в лицо. Я достал телефон. Набрал её номер. Гудки. Длинные. Бесконечные. Она не брала трубку. Я набрал снова, и снова, и снова. Я не знал, что буду делать, если она не ответит. Не знал, как найти её. Но я знал, что не сдамся. Знал, что буду искать.

Я вернулся в ресторан, чтобы предупредить Лену. Она уже знала. Она стояла у двери, бледная, с телефоном в руке.

— Вера ушла, — произнесла подруга дрожащим голосом. — Я видела, как она выбежала. Я пыталась её догнать. Но она не остановилась. Она просто… просто убежала.

— Куда? — спросил я.

— Я не знаю. Найди её, — попросила она. — Пожалуйста. Найди её. Она не должна быть одна. Не сейчас. Не после всего.

Я кивнул. И вышел. И пошёл по улице. Куда? Я не знал. Я просто шёл. Мимо домов. Мимо магазинчиков. Мимо всего, что было раньше. Я шёл и думал о ней. О Вере. О женщине, которую я полюбил. О женщине, которая была женой моего друга.

Я не знал, где её искать. Не знал, куда она могла пойти. Я просто шёл. И надеялся. И ждал. И вдруг понял. Понял, куда она побежала. Понял, где она может быть. Я остановился. Посмотрел на дорогу, которая вела к реке. И пошёл туда. Быстрее. Увереннее.

Я шёл к старому зданию. К тому самому зданию, где когда-то была библиотека. К зданию, которое я хотел превратить в центр для детей. К зданию, которое стало нашим местом.

Я подошёл к нему и остановился. Посмотрел на окна. В одном из них горел свет. Тусклый. Жёлтый. Живой. Я подошёл ближе. Заглянул внутрь. И увидел Веру. Она сидела на полу, в углу, сжавшись в комок, и смотрела в одну точку. Слезы текли по ее щекам.

Я вошёл. Тихо. Медленно. Не хотел её напугать. Она подняла глаза. Увидела меня.

— Ты нашёл меня, — сказала она тихо.

— Я сам показал тебе это место, — ответил я.

Я подошёл к ней. Сел рядом. Обнял. Крепко. Надёжно. Чтобы она почувствовала, что была самым важным, что у меня было. Что она была той, которую я не хотел потерять.

— Я не уйду, — признался я. — Слышишь? Никуда. Никогда. Я рядом. Что бы ни случилось. Что бы ни было. Я рядом.

Я не сказал «ты моя». Не сказал, что не отдам её. Не сказал, что она принадлежит мне. Потому что не был уверен. Потому что не знал, имею ли право. Потому что не хотел предавать друга. Даже если он был неправ. Я не знал правды. Я не знал, что произошло. Я знал только, что он страдал. И что она боится. И что я не знаю, как быть.

Вера кивнула. Слёзы текли по щекам, но она не вытирала их. Она не хотела их вытирать. Она хотела, чтобы я видел. Чтобы я знал. Чтобы я чувствовал то же, что и она. И я видел. И я знал. И я чувствовал. Я был уверен в этом так же, как в том, что завтра взойдёт солнце.

Мы сидели так долго. Молча. В пустом здании. Среди старых стен и новых надежд.

— Пойдём, — сказал я наконец. — Здесь холодно. Я отвезу тебядомой.

Она подняла на меня глаза и кивнула.

Я помог ей встать. Вера была лёгкая, как перышко, и дрожала, как осенний лист на ветру. Я обнял её крепче. Защищая. Согревая. Обещая.

Я привёз её домой. К тому самому дому с обоями в цветочек, где её ждала Лена.

— Зайдёшь? — спросила она тихо. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Важное. Я не хочу ждать до завтра. Я хочу сказать сейчас.

— Хорошо, — согласился я. — Я зайду.

Мы поднялись по лестнице. Лена, которая услышала шаги, открыла дверь и, увидев нас, молча отступила в сторону. Она всё поняла. Всё. Без слов. Она просто посмотрела на Веру, потом на меня, а потом сказала:

— Я пойду прогуляюсь. Вернусь через час.

И ушла, оставив нас одних в маленькой комнате с обоями в цветочек среди старой мебели и тусклого света лампы.

Вера села на диван. Я сел напротив.

— Я хочу рассказать тебе все, — начала она тихо. — С самого начала. Я хочу рассказать тебе, что случилось. Но я боюсь, очень сильно боюсь! Дима, но если ты мне не поверишь, я умру! Понимаешь? Умру! Отец не поверил, Игорь не поверил. Я не выдержу, если ты поступишь как они.

— Хорошо, — успокоил ее я. — Я слушаю. Что бы ты ни рассказала. Я слушаю. И я не отвернусь. Слышишь? Никогда. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

Она кивнула. Набрала воздуха. И начала говорить.

Глава 11.

Дима

_____

Я сидел напротив неё в маленькой комнате с обоями в цветочек, и в этой комнате было тихо — так тихо, что я слышал, как за окном ветер шевелит ветки старого дерева. Вера сидела на диване, сжавшись в комок, и смотрела в чашку с чаем, которую держала в руках. Чай давно остыл, но она не замечала. Она вообще ничего не замечала — ни остывшего чая, ни тишины, ни меня. Она была где-то далеко. Там, где начиналась её история.

— Я не знаю, с чего начать, — сказала она наконец, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Всё это так давно. И так близко. Как будто было вчера. И как будто было в другой жизни.

— Начни с начала, — ответил я. — С самого начала. Я никуда не тороплюсь. Я слушаю.

Она подняла на меня глаза и в этом взгляде было столько всего — страх, боль, благодарность, — что у меня внутри что-то сжалось. Я знал, что сейчас услышу что-то, что изменит всё. Что перевернёт моё представление о ней, об Игоре, о нас. Но я также знал, что должен это услышать. Что она должна это рассказать. Что мы должны пройти через это вместе.

Вера набрала воздуха и начала говорить.

— Мне было девятнадцать, — сказала она. — Я жила в доме отца. Мама умерла, когда мне было шестнадцать. Отец женился во второй раз. Появилась мачеха и её сын. Мой сводный брат. Ему было двадцать четыре. Он был старше. Сильнее. И периодически я замечала, что он смотрел на меня так, как не должен смотреть брат на сестру.

Я слушал, не перебивая. Только смотрел на неё. На то, как она говорит. Как её руки дрожат. Как она сжимает чашку, будто пытается удержаться за что-то.

— В тот вечер отца не было дома. Мачеха уехала. Я была одна. Я шла из кухни с чашкой чая. Он ждал меня в коридоре. Он сказал, что я красивая. Он сказал, чтобы я не боялась. Он сказал, что не сделает мне больно. — Она замолчала. Сделала вдох. — Он сделал.

Я почувствовал, как внутри меня что-то оборвалось. Я понимал, что сейчас будет. Понимал, что она скажет дальше. Но всё равно это было как удар.

— Я не кричала, — призналась она тихо. — Я не могла. Я просто закрыла глаза и ждала, когда это закончится. А потом он ушёл. Просто встал и ушёл. Как будто ничего не было. А я осталась лежать на полу и не могла встать. Не могла пошевелиться. Не могла плакать.

Она замолчала. Долго молчала. Я не торопил её. Просто сидел и ждал. И чувствовал, как внутри меня поднимается что-то тёмное. Что-то, что я не хотел показывать. Что-то, что было направлено не на неё, а на того, кто это сделал. На человека, которого я никогда не видел. На человека, которого я уже ненавидел.

— Я рассказала отцу, — продолжила она. — Утром. Я думала, что он поверит. Что он защитит. Что он сделает что-то. Хоть что-то. — Она усмехнулась. Горько. Безрадостно. — Он сказал, что я вру. Что брат не мог. Что я сама виновата. Что я его спровоцировала. Что я должна замолчать, чтобы не было скандала.

— Он не поверил? — спросил я ужаснувшись.

— Нет, — покачала головой она. — Не поверил. И тогда я поняла, что осталась одна. Совсем одна. В доме, где жил мой насильник. С отцом, который меня предал. Я не могла там остаться. Я не могла дышать. Я не могла жить.

Она сделала ещё один вдох. Медленный. Тяжёлый. Как будто каждое слово давалось ей с трудом.

— Я сбежала. Ночью. Я собрала вещи. Немного. Самое необходимое. И ушла. К Игорю. Мы учились вместе в школе. Он был моей первой любовью. Он был единственным, кто гово-

рил мне, что я красивая. Что я нужна. Что я не одна. И я пошла к нему. Потому что он был единственным, кто остался. Потому что я любила его.

Я слушал и чувствовал целую гамму противоречащих друг другу чувств. Я знал Игоря много лет. Я знал его как друга. Как партнёра. Как человека, который много лет страдал из-за женщины, которая его бросила. А теперь я узнавал другую сторону этой истории. И эта сторона была совсем не такой, как он рассказывал.

— Я пришла к нему, — продолжила Вера. — Он открыл дверь. Увидел меня. И не спросил ничего. Не спросил, что случилось. Не спросил, почему я с чемоданом. Он просто сказал: «Заходи». И я зашла. И осталась. И он не спрашивал. Ни в тот вечер. Ни на следующий. Никогда. Он просто был рядом. И я думала, что этого достаточно. Что мне не нужно говорить. Что он всё понимает. Что он просто ждёт, когда я буду готова. Что он не торопит. Что он — настоящий. Что он — мой.

Она замолчала. Вытерла слезы и посмотрела на меня.

— Я не рассказала ему, — сказала она тихо. — О том, что случилось. О том, что сделал брат. О том, что отец не поверил. Я не смогла. Я боялась. Боялась, что он убьёт его. Что сядет в тюрьму. Что я потеряю его. Единственного. Последнего. Я не могла потерять его. Я не могла остаться одна. Я не могла. Просто не могла.

Я кивнул. Медленно. Понимающе. Я знал, что такое страх. Знал, что такое отчаяние. Знал, что такое цепляться за единственное, что осталось. И я понимал её. Как никто другой. Потому что сам был таким же. Моим спасением после смерти отца был долг. Работа. Ответственность. Но это было то же самое. То же самое цепляние за что-то, что держало меня на плаву.

— А потом он сказал: «Давай поженимся», — продолжила она. — И я согласилась. Это был такой момент… Знаешь, будто я думала слишком о многом, но в тоже время не могла думать ни о чем. Словно я оказалась в чистилище. Я думала, что это спасение. Я думала, что это новая жизнь. Думала, что мы сможем обо всем забыть и Игорь поможет исцелить мои раны. Мы расписались. Тайно. Без гостей. Без благословения. Без всего. Просто расписались. В маленьком загсе на окраине города. Я была в белом платье. Он — в костюме. Мы улыбались. Мы были счастливы. Или думали, что счастливы. Или хотели быть счастливыми.

Она замолчала. Долго молчала. Я слышал, как она дышит. Как дрожит её голос. Как она борется с собой, чтобы не заплакать.

— А потом была ночь, — сказала она наконец. — Первая ночь. Я ждала её. Боялась. Но ждала. Потому что думала, что это начало. Начало чего-то нового. Чистого. Настоящего. Я думала, что он будет нежным. Что он будет терпеливым. Что он будет понимающим. Я думала, что он не такой, как брат. Что он не сделает больно. Что он не сломает. — Она сделала паузу. Глубокий вдох. — Но этого не случилось. Он не сделал больно телом. Но он сделал больно душой. Он узнал. Он понял. Он увидел, что я — не девственница. И он не спросил. Не выслушал. Не дал мне сказать. Он просто отстранился. Посмотрел на меня. И в его глазах было что-то, чего я раньше не видела. Что-то холодное. Что-то жестокое. Что-то чужое.

Я слушал и чувствовал, как внутри меня что-то умирает. Что-то, что было связано с Игорем. Что-то, что я считал дружбой. Что-то, что я считал братством. Оно умирало, и я ничего не мог с этим сделать.

— Он сказал: «Ты не девственница», — продолжила Вера, и голос её дрожал. — Это был не вопрос. Это было обвинение. Я замерла. Я не знала, что сказать. Не знала, как объяснить. Не знала, как рассказать правду. Ту правду, которую я так долго прятала. Ту правду, которая всё разрушила бы. Ту правду, которую я боялась произнести. Я просто смотрела на него. И молчала. А он сказал: «Ты меня обманула. Ты — шлюха. Я подобрал то, что другие выбросили». Я пыталась объяснить ему, рассказать все, но Игорь мне не поверил.

Я закрыл глаза. На секунду. Всего на секунду. Но передо мной стояло его лицо. Лицо Игоря. Человека, которого я знал много лет. Человека, которого я считал другом. Человека, который говорил мне, что страдал из-за неё. А теперь я слышал, что он сделал. И это было хуже, чем я мог себе представить.

— Он выгнал меня, — сказала Вера. — Ночью. На улицу. С одним чемоданом. Я стояла на лестничной площадке. Смотрела на него. И не верила. Не верила, что это происходит. Не верила, что это он. Не верила, что это конец. Я просила его. Умоляла. Говорила, что люблю его. Что он — единственный. Что мне некуда идти. А он просто захлопнул дверь. И я осталась одна. В темноте. С разбитым сердцем. С разрушенной жизнью. С чувством, что меня больше нет. Что я умерла. Что я — ничто.

Я слушал. Я знал Игоря как человека, который много лет страдал. Я знал его как человека, который не мог забыть. Я знал его как человека, который говорил, что она ушла. Что она бросила его. Что она уехала к другому. А теперь я слышал правду. И эта правда была совсем другой.

— Я шла по улице, — продолжала Вера, и голос её становился всё тише, всё глуше. — Не знала, куда. Просто шла. Мимо домов. Мимо машин. Мимо людей. Которые не смотрели на меня. Не видели меня. Не знали, что я иду. Что я ухожу. Что я исчезаю. Я не видела дороги. Не видела машин. Не видела света. Я видела только его лицо. Его глаза. Его слова. «Шлюха». «Выбросили». «Обманула». Они звучали в моей голове снова и снова. Как молитва. Как проклятие. Как приговор. — Она замолчала. Сделала вдох. — А потом — удар. Боль. Темнота.

Я смотрел на неё и не знал, что сказать.

— Я не помню, как меня сбила машина, — вспоминала Вера. — Помню только, что очнулась в больнице. В реанимации. С трубками. С капельницами. С врачами. Я не чувствовала тела. Я чувствовала только пустоту. Огромную. Как чёрная дыра. Она засосала меня. И я не хотела возвращаться. Но вернулась. Потому что врачи заставили. Потому что тело сильнее, чем душа. Оно хочет жить. Даже когда душа не хочет.

Она замолчала, смотрев в чашку.

— Потом была реабилитация, — сказала Вера наконец. — Долгая. Мучительная. Училась ходить заново. Держать ложку. Говорить. Всё заново. Как ребёнок. Только ребёнок не помнит, что было до. А я помнила. Всё помнила. — Она сделала паузу. — А потом была клиника. Психиатрическая. Элитная. Отец платил. Он всегда платил. Деньгами. Не любовью. Я лежала в белой палате. Смотрела в белый потолок. Говорила с врачом. Мне было все равно, что спрашивал, что он мне прописывал.

Она замолчала и я понял, что она закончила. Что это всё. Что она рассказала мне всё, что хотела. Всё, что могла. Всё, что было в её силах.

Я сидел и смотрел на неё. На женщину, которую я полюбил. На женщину, которая пережила то, что сломало бы любого. На женщину, которая была его женой. И я понимал, что всё, что я знал, — ложь. Всё, что он мне рассказал, — ложь. Всё, во что я верил, — ложь. Но я также понимал, что он страдал. Что он, возможно, до сих пор страдает. Что он, возможно, верит в свою правду. Что он, возможно, не знает, что произошло на самом деле. Но теперь я знал. И это знание было тяжелее всего.

— Я не знаю, что сказать, — сказал я наконец, и голос мой был тихим, но в этой тишине было что-то, что заставило её замереть. — Я не знаю, что делать. Я не знаю, как быть. Но я знаю одно: ты не виновата. Ни в чём. Ни в том, что случилось. Ни в том, что он сделал. Ни в том, что ты не рассказала. Ты была ребёнком. Ты была жертвой. И ты сделала всё, что могла. Всё, что было в твоих силах. И я не знаю, как ты выжила. Но ты выжила. И это — самое важное.

— Ты не отвернулся, — сказала она тихо. — Ты не ушёл. Ты не сказал, что я сама виновата. Ты просто… просто выслушал. И остался. Почему?

— Потому что я верю тебе, — ответил я. — Я рядом. Слышишь? Я рядом.

Она заплакала. Я подошёл к ней. Сел рядом. Обнял. Крепко. Надёжно. Как будто она была самым важным, что у меня было. Как будто она была тем, что я не хотел потерять. Как будто она была тем, за что я готов был бороться.

И в этот момент в дверь постучали.

Мы оба вздрогнули. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Стук повторился. Настойчивее. Громче. Я встал. Подошёл к двери. Положил руку на холодную поверхность. Прислушался. За дверью было тихо. Слишком тихо. Как будто тот, кто стоял там, затаил дыхание.

Я открыл дверь.

На пороге стоял Игорь. Он смотрел на меня с вызовом.

— Я знал, что найду тебя здесь, — произнес друг с уверенностью. — Но я не знал одного: что ты о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.